

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ШИМУН ВРОЧЕК

ПИТЕР
ВОЙНА

FUTURE CORP.

18+

Метро

Шимун Врочек

Метро 2035: Питер. Война

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Врочек Ш.

Метро 2035: Питер. Война / Ш. Врочек — «АСТ»,
2018 — (Метро)

Убер, двухметровый голубоглазый «красный» скинхед, язвительный и наглый шовинист и расист, «упоительный ублюдок», как его описывают читатели первого «Питера», вернулся! К сожалению, сейчас питерское метро балансирует на грани войны с империей Веган, которая использует людей в качестве удобрений, и необузданные выходки Убера ухудшают и без того непростую ситуацию. А ведь теперь у него еще есть и компания, которую Уберу придется кормить с ложечки, воспитывать и выводить из тыла наступающих войск империи. Правда, веганцы тоже еще не вполне осознали, с кем они связались...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Врочек Ш., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Мы наш, мы новый мир построим	6
Вместо пролога	7
Прелюдия	9
I	13
Интерлюдия 1	52
II	54
Глава 1	54
Глава 2	59
Глава 3	64
Глава 4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Шимун Врочек

Метро 2035: Питер. Война

© Глуховский Д.А., 2018

© Врочек Ш., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Мы наш, мы новый мир построим

Проект «Вселенная Метро 2033» стартовал девять (девять!) лет назад. Родившись из идеи о том, что читатели «Метро» могут становиться писателями, он действительно быстро превратился в целую вселенную. Без малого девять десятков книг, написанных авторами из России, Украины, Белоруссии, Польши, Англии и Италии превратили карту Земли из постъядерной пустыни в переливающуюся огоньками человеческих душ живую ткань.

Долгие девять лет мы рассказывали вам о мире без завтрашнего дня. О цивилизации, которую люди разрушили собственными руками. О жизни на руинах и о сползании в темную бездну, из которой человек не выберется уже никогда. Таково было мое «Метро 2033», и таким был проект, который ему наследовал.

Каждая книга «Вселенной Метро 2033» была сбивчивым рассказом выжившего, который торопился поведать нам о судьбах своих пропавших товарищей и родных, прежде чем тьма поглотит и его самого. Авторы серии становились первооткрывателями, приподнимающими завесу тайны и разгоняющими «туман войны» на той или иной точке карты. Иногда их истории пересекались и переплетались, но при этом каждая из них была обособлена.

Но роман «Метро 2035» многое изменил. Эта книга о герое, который не намерен покорно гибнуть, который должен не просто выжить любой ценой, но и мечтает возродить человечество, вернуть ему потерянный мир, переворачивает «Вселенную». Самое важное открытие сделано: земля наверху обитаема, в это только нужно поверить, ее нужно отвоевать. А продолжающая «Метро 2035» компьютерная игра «Метро: Исход» сошьет разные клочки на карте страны воедино.

Настает время, когда героям метро и пустошей придется собрать в кулак волю, чтобы подняться с колен и выйти из катакомб на воздух, на поверхность. Настает время, когда им придется бросить вызов нечисти, которая завладела миром за время нашей отлучки. Время, из обрывков стран и народов предстоит собрать, выплавить и выковать новую цивилизацию. Разрушив старый мир, построить на его обломках новый. Создать его – или сгнать окончательно.

По одиночке выжившие обречены тихо угаснуть. Если собрать их в кулак – шанс есть. Но кому вести их в будущее? Кому подчинятся одичавшие и отчаявшиеся люди? Создание новой империи не будет бескровным – как никогда не бывало. Чтобы стал мир, будет война. Во «Вселенной Метро 2035» каждая книга станет главой этой саги. Каждая будет кусочком паззла, из которых мы вместе соберем огромную мозаику, эпическое полотно, повествующее о последней попытке человечества спастись и воскреснуть.

Романы «ВМ2033» просто описывали мир после Апокалипсиса: это был первый акт нашей драмы. Во втором их герои соединятся, встанут плечом к плечу или сразятся друг с другом. Кусочками паззла станут и их судьбы, и их жизни.

«Питер: Война», долгожданное продолжение легендарной второй книги «Вселенной Метро 2033», написанной Шимуном Врочекком девять лет назад, становится начальной главой этой новой саги. Заржавевшие за двадцать с лишним лет гермовороты со скрежетом раздвигаются. Солнце слепит нам глаза, и легкие наши переполнены ветром. Мир наверху ждет нас. Покорим его или погибнем. Дайте руку.

Ваш, Дмитрий Глуховский

Вместо пролога

День, когда распустились цветы

Я помню день, когда распустились цветы.

Возможно, вы тоже его помните. Даже если родились намного позже, через несколько лет, в бомбоубежище, в мертвом, сыром и душном метро. В последнем пристанище загнанного в угол человечества. В крысином углу, среди обглоданных человеческих костей...

В аду.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть качающийся огонек карбидной лампы. Даже с закрытыми глазами я вижу желтое пятно, похожее на отсвет ядерного взрыва.

Я закрываю глаза, лежа на воняющем жиром и грязью финском пуховике. Я закрываю глаза и лежу без движения, словно мертвый. Я вспоминаю, о чем мечтал «до». Неужели о том, чтобы меня оставили в покое? Неужели я действительно думал, что после Дня, Когда Распустились Цветы, вокруг окажется стерильная пустыня, лишние люди исчезнут и весь мир будет предоставлен мне одному?!

Черта с два.

Мир серой ядерной пустыни, где вонь умирающих пропитала стены пустых домов. Мир, где человеку нет места. Мир проникающей радиации и радионуклидной пыли.

Я помню тот день. День, когда распустились цветы.

Я даже начал писать стихи.

Послушайте.

Однажды в метро спустился Бог, чтобы дать нам последний шанс...

Дальше я пока не придумал. Возможно, потому, что Бог никогда не спустился?

Сейчас, лежа на грязном синем пуховике, я думаю, что в жизни не видел ничего красивее атомного взрыва. Огненный цветок, распустившийся над городом. Истинный свет, поглотивший коготь человеческой цивилизации. Я знаю, что не могу этого помнить, потому что в тот момент я был глубоко под землей, за безопасной многометровой толщей гермы. Но все-таки я помню. Огненные лепестки, ласкающие землю. Свет и стон. И камень плакал и стекал, как слезы...

Если это было не проявление силы Бога, тогда что это было?!

Господь наш, ты огромен, и зловещ, и прекрасен.

...Иногда я думаю, что случилось бы, если бы я не успел добежать до метро?

Превратился бы в пепел рядом с входом в станцию. Оранжевый пепел в форме человека, который медленно рассеивает ветер.

Иногда я жалею о том, что успел.

Иногда я лежу и мечтаю о том, что не добежал. Что остался там, среди всех этих людей – этих прекрасных людей, которым осталось жить примерно минуту, пять минут, два часа... от силы неделю. И когда я так думаю, скрежет запирающихся гермоворот больше не снится мне по ночам.

Иногда я представляю, что где-то там, далеко в космосе, есть огромная голубая планета, где все умершие – живы. Там есть города, леса, озера и парки, моря и пустыни, животные и рыбы. Там есть все, что было в нашем мире...

И только метро там нет. Совсем.

И знаете... Когда я так думаю, я счастлив.

Кто-то называет это Катастрофой, кто-то Судным Днем, кто-то – Днем смерти. Я говорю: День, Когда Распустились Цветы.

Тысячи и тысячи пусковых шахт опустели в один момент. Тысячи и тысячи металлических семян были посланы по ветру. Тысячи и тысячи огненных цветков распустились одновременно.

И знаете что?

Еще никогда Земля не была такой красивой.

Желтый отсвет карбидной лампы тает на внутренней стороне век.

Я лежу, закрыв глаза, на грязном и вонючем финском пуховике, и думаю о мире за стенами метро...

Мир, в обветшалой пустоте которого, если прислушаться, тихонечко поют альфа- и бета-частицы.

Боже, еси на Небеси, да светится имя Твое.

Да пребудут рентгены Твои с тобой,

да защитишь Ты нас от них.

– Молитва Мики

Да сдохни, блин, уже!

– Том Пикирилли. «Да сдохни блин уже»

Прелюдия Красные сталкеры

– Мне тебя даже жаль, – сказал человек. – Честно.

* * *

Воздух заметно просветлел, но солнце еще пряталось за кварталами заброшенных темных домов. Розовый свет очерчивал угрюмые силуэты зданий.

Утро.

Серый монстр ушел. На земле остался окровавленный кусок мяса – бесформенная масса из мышц, костей и гордости. Раньше, возможно, эта масса была человеком. Сейчас в это трудно было поверить.

Ветер заунывно дул в развалинах, трепал изодранную химзу.

Прошла минута и другая. Человек не шевелился. Похоже, он был уже мертв...

Прошло десять минут. Потом еще столько же.

Из-за угла развалившегося дома появилась фигура, обмотанная слоями скотча и пленки. В руках у человека был автомат.

Диггер махнул кому-то невидимому рукой и стал спускаться с горы обломков.

Следом показались еще двое, вынырнули с разных сторон.

Ветер выл.

* * *

Командир отряда красных диггеров Александр Феофанов по прозвищу «Феофан Грек» или просто Грек, задумчиво оглядел место сражения. Затем повернулся к заместителю – высокому худому диггеру по прозвищу Гриф. По прозрачному забралу противогаза у зама разбежались трещины. Самая крупная была залеплена скотчем. Рассвет розовел на стекле, Гриф щурился. Становится слишком светло, подумал Грек. Они и так задержались, а теперь их настигал рассвет. А все из-за проклятого нашествия тварей. Что они сегодня, с цепи сорвались?!

Словно Гон в этом году начался раньше времени, причем у всех тварей разом, а не только у собак Павлова.

И серый... Феофанова передернуло. Серый был хуже всего.

– Ушел этот? – он мотнул головой. Огромный чудовищный монстр. Мифический, чтоб его, Блокадник.

– Ага, – кивнул Гриф.

– Тогда пошли. Быстро, быстро, быстро!

Диггеры боевым порядком, по трое, прикрывая друг друга, спустились из развалин дома в ущелье, в которое превратилась одна из улиц Петербурга. Сначала они издали слышали звуки боя, взрывы, выстрелы, яростные крики умирающих мутантов и человеческие голоса. Теперь пришли увидеть последствия.

– Вартуман, на шухере, – приказал Грек. – Остальным – как обычно. Работаем.

Он замер, увидев, во что превратился человек. Окровавленная масса. Один из диггеров, Поэт, среднего роста крепыш, прозванный так за склонность к сочинению виршей и отмазок, наклонился. Выпрямился, протянул руку.

– Командир, смотри.

– Что это? А!

Раньше это было противотанковой гранатой РГК-3. Цилиндрический корпус смят многочисленными ударами, рукоятка согнута под углом...

Грек покачал головой.

– Чего он не кинул ее? Захреначил бы, рванет, танк память можно...

– А вот почему.

Диггер перевернул гранату. Внутри тонкого стального цилиндра, где должен был находиться пусковой механизм и запал, было что-то серое, с тусклым блеском. Командир выпрямился. Однако.

– Свинец?

– Ага, – диггер хмыкнул в маску. – Учебная. Крутой перец.

Теперь этот «крутой перец» мертв. Ну, и чего стоит его крутость?

Грек помолчал.

– Разберитесь здесь, – сказал он Грифу. – Я буду наверху.

Вернувшись на площадку четвертого, верхнего этажа, командир диггеров достал бинокль. Надо осмотреть окрестности.

Интересно, почему одни здания в городе – как новенькие, а другие – словно после артиллерийского обстрела? Грек покачал головой. Приставил бинокль к глазам, навел резкость. Волна тварей продолжала кого-то преследовать. Бегунцы прорезали, как большие корабли, стаю мелких собак Павлова, за ними шествовали худые скелеты Голодных Солдат... Истинное столпотворение.

На мгновение Феофанову даже показалось, что он видит высокую серую фигуру среди этой толпы. Рука дернулась. Неужели знаменитый Блокадник? Грек чертыхнулся, подкрутил резкость. Нет, серой фигуры больше не видно.

Крр. Бух, бух. Шш-х.

Феофанов резко повернулся. Что еще? Шаги. Шорох бетонной крошки. Кто-то поднялся по лестнице, причем не особо таясь. Через несколько мгновений в проеме лестничной клетки показалась голова Поэта. Увидев наведенный на него «калаш», диггер безмятежно помахал рукой. Все-таки он безбашенный, решил Феофанов. Небось, еще и улыбается там, под противогазом. Ох, уж этот Поэт. Командир опустил автомат, чуть не сплюнул в маску, но в последний момент удержался.

– Чего надо? – спросил грубо.

– Командир... там это... того...

– Короче!

– Дышит.

– Кто дышит?

Сталкер пожал плечами.

– Ну, этот... Крутой перец. Прикинь. И у него... гм... – Поэт вдруг потерялся в словах. – В общем, он, кажется, наш.

Несколько мгновений Феофанов не мог сообразить, что это означает.

– Наш?!

...Стен здесь практически не было, от всей лестничной клетки более-менее уцелела только лестница, но даже в ней зияли дыры. Сырой питерский ветер врвался в пробоины, толкал командира в плечо. Феофанов сбежал вниз, автоматически перешагивая через провалившиеся ступени. Неловко оступаясь, на пятках спустился по склону из битых кирпичей и мусора.

– Показывайте.

Самохвал, медик отряда, посторонился. Перчатки его химзы были заляпаны красным.

«Крутой перец» лежал на земле, заваленной обломками кирпичей. Кровь была повсюду, словно ее разбрызгивали под давлением. Рядом с «перцем» на корточках сидел Рыжий, следопыт группы. Заметив взгляд командира, диггер молча оттянул рукав изодранной защитной куртки – так, что в прореху стала видна татуировка.

Ё, моё! Феофанов сглотнул.

Действительно. Похоже, рейд накрылся. И волей-неволей превратился в спасательную операцию...

На поверхности, как и в океане – людей не бросают. Морской закон.

Особенно своих.

В прорехе химзы виднелась татуировка: серп и молот в окружении лаврового венка. «Коммунист? Здесь?! Что за черт...»

Раненый внезапно дернулся, судорожно втянул радиоактивный воздух сквозь пересохшие, растрескавшиеся губы. Но в сознание так и не пришел. Высокий, широкоплечий, жилистый. Голова бритая, в шрамах. Кровищи-то, подумал Грек. Интересно, в этом теле хоть пара костей уцелела?

Феофанов кивнул. Возможно, сейчас мы просто теряем время... Повернулся к медику:

– Вколи ему чего-нибудь... сам знаешь. Перевязку там, шины. И побыстрее! Рыжий, у тебя вроде была запасная маска? – диггер кивнул. – Давай, тащи. Времени нет, Женя. Нет времени. Упаковываем его и – домой. Мужика надо вытащить.

Феофанов оглянулся. Часовой наверху показал знаками – все чисто.

– Кто знает, вдруг *этот* вернется.

Грек подумал о сером монстре и передернулся. Жуткая тварь. Кто знает, смог бы он, как этот бритый, выйти на монстра врукопашную?

– Командир, – медик отряда, Самохвалов, помедлил. – Он не дотянет. У него... Может, не стоит тратить радиозащиту? У нас осталось всего ничего, пара шприцев. Что я потом ребятам колоть буду?

– Не жадничай, – оборвал Феофанов. – Кастет, давай наверх, проверь. Все, пакуем его и пошли.

– Не дотянет, я же говорю, – медик устало покачал головой. – Только зря мучить будем. И ребят, и его.

– А ты, Самохвал, постарайся, чтоб дотянул. Я понятно выражаюсь? – Феофанов добавил металла в голос.

Медик выпрямился. Его старая химза, вся в белесых пятнах, словно вытравленных кислотой, полоскалась на ветру.

– Есть.

Феофанов и сам понимал, что бритоголовый вряд ли дотянет до Звездной. Но по-другому поступить не мог.

Даже если он просчитался, лучше такая ошибка, чем гниленькое, паскудное ощущение, что нечто важное осталось несделанным. Что мог поступить как настоящий человек, но почему-то вдруг – струсил, испугался, не стал. Поленился.

Вытащим.

– Командир, готово, – доложил медик.

Забинтованный, упакованный в несколько слоев полиэтиленовой пленки – для защиты от излучения, – раненый лежал на земле, словно новорожденный младенец в пеленках. Под него подстелили кусок брезента, связали узлами углы, чтобы удобней было нести. Добавили пару ремней для надежности. Получились импровизированные носилки. Дай бог дотянуть до Звездной.

Командир кивнул. «Хорошие у меня ребята».

– Ну, с богом... двинулись!

На ходу его догнал Гриф, пошел рядом размеренным, чуть хромящим шагом. Когда-то диггер в заброске нарвался на бегунца, но – уцелел. Гриф потерял два пальца на левой ноге. Многим повезло меньше. Феофанов краем глаза видел прихрамывающий силуэт диггера. «Кажется, я знаю, о чем он хочет поговорить».

– Командир, – начал диггер.

– Ну, что еще?

– А что с ним будет... у нас?

Феофанов, забывшись, взялся за подбородок. Поскреб пальцами толстую резину. Об этом он старался не думать. Сначала спасательная операция, потом – все остальное. Впрочем...

– Ну, не убьют же его, верно?

Гриф пожал плечами.

– Кто знает, – сказал он нехотя и отстал. Феофанов сжал зубы, продолжил размеренно шагать. Каторга, каторга. Надо уметь, блин, закрывать глаза на определенные вещи. Каторга не-об-хо-ди-ма. Да, у нас на Звездной далеко не все хорошо! Есть отдельные недостатки. Но где их нет? Зато впереди – светлое будущее, пусть дорога к нему и лежит через каторжный тоннель.

– Пролетарии всех стран... – начал Феофанов традиционную формулу.

– ...объединяйтесь! – закончили диггеры нестройно.

– Все, держать темп, – велел Феофанов. – Поэт – впереди.

I

Убер и революция

*Раз, два. Раз, два. Мы идем по Африке.
Редъярд Киплинг*

– Группа «Солнышко», подъем!

Началось, подумал Макс. Дал организму последнюю секунду понежиться. Затем рывком сбросил одеяло – тонкое, почти не греющее – и спрыгнул вниз. Бетонный пол обжег холодом.

– Группа «Артишок», подъем! – далекий голос. Вспышка ярости была ослепляющей, на некоторое время Макс даже перестал чувствовать пятками холод бетона. Другую группу будили на десять секунд позже. Твари!! Ненавижу, подумал Макс. Потом сообразил, что это сделано нарочно. Разделяй и властвуй. Классика. Чем больше люди ненавидят друг друга, тем проще ими управлять.

Макс понял это за мгновение – но ненависть к «артишокам» не стала меньше.

Даже наоборот.

Рядом матерился Уберфюрер – местный скинхед. Рослый, с выбритой налысо головой. Впрочем, последнее никого не удивляло. Воспитуемых брили всех – говорили, от вшей. Так что «фашистов» тут полстанции, а то и больше.

Убер в залатанных штанах (форма одежды номер два) растирал суставы, щелкал костяшками, крутил головой. Макс видел, как по обнаженной спине скинхеда двигаются заросшие шрамы. Резаные, от пуль... разные. Ожоги. Странно: шрамы на лопатках складывались в рисунок – словно раньше там были крылья, но потом они то ли сгорели, то ли их срезали с мясом.

Ангел, блин.

Да уж, не хотелось бы мне с таким «ангелом» повстречаться, подумал Макс.

– Спим?! – в палату ввалился Хунта – «нянечка» группы «Солнышко», огромный тип в засаленной телогрейке. Из прорехи на животе торчал клок желтой грязной ваты. – Кому-то особое приглашение требуется?!

Особого не требовалось. Группа «Солнышко» в полном составе бросилась на выход, выстроилась в коридоре...

– Марш! – скомандовал Хунта.

Побежали. Тоннель, освещенный редкими фонарями, закачался перед глазами. Трудновоспитуемые, трясаясь от холода и стуча зубами, шлепали вслед за «нянечкой». От недосыпа строй заваливало, как при сильном ветре.

Но никто не упал.

Иначе Хунта заставил бы всех вернуться и бежать снова. И еще раз, если потребуется. При всей своей обезьяноподобной внешности – низкий лоб в два пальца, толстый нос, уродливые уши – дураком «нянечка» отнюдь не был, а по жестокой изобретательности мог дать фору любому. Воспитатели «нянечку» ценили – в его группе ЧП случались исключительно редко...

Пока здесь не появился Макс.

А затем в «Солнышко» из лазарета перевели Убера, и стало совсем весело.

– Не отставать! – рявкнул Хунта. Колонна добежала до тоннельного санузда, чуть помедлила, затем разом втянулась в бетонное вонючее чрево – словно людей всосало под давлением. Быстрее, живо, живо! В нос ударило застарелым ароматом мочи и яростно-химическим, прочищающим мозг до лобных долей, запахом хлорки. Трудновоспитуемые выстроились у желоба писсуара, кто-то поспешил в кабинки...

Макс помочился и успел к умывальникам одним из первых. Скрип ржавого металла, плюющийся кран, струйка мутной тепловатой воды. Макс тщательно вымыл руки, лицо, за ушами. Прополоскал рот, почистил зубы пальцем. Надо держать себя в чистоте, иначе кранты. Стниешь заживо. Станешь, как гнильщики. Макса передернуло.

Вдруг толкнули в спину: давай, давай, тут очередь! Вспышка. Он сдержался. В другое время, в другом месте он бы уже сломал торопыге нос. Но «школа жизни» на Звездной сделала из Макса нового (позитивного, блин) человека. Пожалуй, это единственное, за что местные порядки можно поблагодарить.

Поэтому он спокойно, не торопясь, отряхнул руки, прошел мимо торопыги. Не смотри, велел себе Макс. Не запоминай. Иначе треклятая рожа засядет в мозгах и придется вернуться, чтобы выбить ее оттуда. А у меня нет на это времени. Сегодня – точно.

– Кха! Кха!

Макс замер. Резко повернулся, случайно зацепив взглядом обидчика. Да чтоб тебя! Но было уже поздно: он запомнил.

– Кха! М-мать! – знакомый голос. Макс рухнул с оглушительно ревущих небес ярости на унылый бетон санузла, выругался. Конечно, именно сегодня...

Закон всемирной подлости в действии.

Убер склонился, уперся руками в края раковины – казалось, еще усилие, и он вырвет ее из стены. Голая, покрытая шрамами спина скинхеда напрягалась и дергалась. Макс сделал шаг. Заглянул Уберу через плечо (на плече была татуировка: серп и молот в лавровом венке – странно, что местные не признали скинхеда за своего)...

На выщербленной поверхности раковины темнели сгустки. Темно-красные, почти черные в таком свете.

Кровь.

Не сегодня, попросил Макс мысленно. Только не сейчас. Он не верил в Бога – точнее, не верил в доброго белого дедушку с бородой. В ощущениях Макса все было иначе. Рядом находится некая сила – нечто аморфное и не слишком доброе. Только такой бог, по убеждению Макса, мог выслушать миллионы криков сгорающих в атомном пламени людей и не сойти с ума.

И это аморфное и не слишком доброе можно было попросить.

Только просьбу нужно формулировать проще. Как для огромного, туповато-злобного идиота – бога с болезнью Дауна. Например: не мешай мне. Или – пусть у меня сегодня все получится. А я отдам тебе свои глаза. Или зубы. Или что-то еще. Идиот должен получить что-нибудь взамен. Если мольба срабатывала, Макс заболел. Садилось зрение, он не мог различать буквы. Ныли суставы, начинало ломить спину. Но потом это проходило. У идиота, к счастью, была короткая память. Взяв глаза Макса, он игрался день или два, потом забывал про них. Макс снова начинал видеть нормально. И так до следующего раза.

До очередной просьбы.

Сейчас именно такой случай. Если Хунта решит, что скинхед кашляет слишком громко, или увидит кровь, то отправит Убера обратно в лазарет. И все сорвется. «Ты, там, где ты прячешься, – беззвучно воззвал Макс. – Я хочу, чтобы у меня... у нас все получилось». Злобный идиот молчал. Убер кашлял.

У скинхеда лучевая болезнь. Но до сих пор это Убера не очень беспокоило – и вдруг приступ. Идиотский, на фиг, кашель с кровью.

Ну же, снова воззвал Макс. Идиот, где ты там? На небесах? Каких еще небесах?! Бог где-то там, глубоко под метро. В убежище под землей – в духоте и потемках, он потный и склизкий, и пахнет плесенью.

«Ну же!»

Идиот по-прежнему молчал.

Макс скорее почувствовал, чем увидел: люди расступались. Молча. Макс одним движением оказался рядом с Убером, тронул за плечо. «Хунта», произнес негромко и отступил.

Вовремя.

– А ну, чего встали?! – под взглядом «нянечки» люди делались меньше. Хунта прошел к раковинам – огромный, злобный тип – и остановился рядом с Убером.

– Ты! – начал Хунта.

Макс шагнул к нему – и замер, словно уткнулся в стену. От «нянечки» шел мощный звериный дух...

Давно, еще до войны, до того дня, как выживших загнали в метро, маленький Макс побывал в зоопарке. Животные севера. Стеклопанельная стена, за которой расхаживал туда-сюда грязно-белый полярный медведь. В бетонном корыте плескалась зеленоватая вода. Медведь поводил вытянутой бесстрастной мордой. Чувствовалось, что если бы не стена, он бы недолго терпел gazeющих на него людей. Макс прилип носом к стеклу и заворужено наблюдал, как изгибается при каждом шаге медведя свалывающаяся шерсть. И чувствовал запах.

Запах зверя за стекломпанельной стеной...

Только сейчас стены не было. Маленькие глазки Хунты под низким лбом, надвинутым на нос, словно козырек кепки, опасно блестели. В них отражался тусклый огонек лампы.

– Чего тебе? – медленно произнес Хунта. Лицо равнодушное. Самая опасная черта «нянечки»: никогда не угадаешь, что у него на уме. Лицо Хунты не менялось, словно некий хирург взял и перерезал провода, по которым идут сигналы к мимическим мышцам. Хунта с одинаковым выражением и хвалил за старание, и вырывал человеку плечевой сустав.

– У меня вопрос... – начал Макс.

– На хрен твой вопрос, – Хунта даже не моргнул. Повернулся к Уберу: – Ты! Что там у тебя?

Молчание. Макс приготовился к худшему.

Убер медленно выпрямился. Макс видел, как блестит в свете фонарей его изуродованная спина. Мелкие капли пота...

Скинхед повернулся.

– Я? – он ухмыльнулся. – Я в порядке. Уже и высморкаться не дают спокойно!

Физиономия Убера – вполне обычная. Макс выдохнул. Бог-идиот наконец откликнулся.

Хунта приблизил свое лицо к лицу скинхеда. У Макса мелькнула дурацкая мысль, что сейчас «нянечка» высунет шершавый, как у медведя, язык и слизнет капли с носа Убера.

Бред какой-то.

– НА ВЫХОД! – заорал вдруг Хунта, не поворачивая головы. Макс вздрогнул. – ВСЕ!!!

Секундная заминка – и народ бросился наружу.

– Ты, – сказал Хунта. – Не думай, что самый умный. Я за тобой буду приглядывать. На выход! Бегом!!

– Есть! – Убер бодро выскочил в тоннель, так что Макс пришлось поднажать, чтобы не оказаться последним. Скинхед подмигнул приятелю и занял место в колонне. Пауза. Наконец, из санузла вышел «нянечка». У Макса похолодело в животе. Вдруг Хунта увидел кровь в раковине?

«Нянечка» медленно обвел колонну взглядом. Воспитуемые затихли.

– Засранцы, – подвел итог Хунта. – Через десять минут проверка. Бегом в палату, привести себя в порядок. Пошли!

Топот босых ног. Хриплое дыхание. Качающийся свет тоннельных ламп. Лязгающий гул механизмов, словно там, в темноте, ворочался чудовищно огромный и не слишком довольный зверь.

Пронесло, подумал Макс. Зубы стучали. После того как схлынула волна адреналина, он снова начал мерзнуть. Лоб в холодной испарине.

«Но как, черт возьми, я во все это вляпался?!»

* * *

Станция Звездная находилась в конце синей ветки, именно здесь коммунисты копали тоннель до Москвы. «Красный путь», как они его называют. Дебилы. «Но как меня занесло к этим дебилам?» Хороший вопрос. Просто замечательный вопрос.

Макс забрался в комбинезон. Трясаясь так, что зубы клацали, кое-как застегнулся. Обхватил себя руками, чтобы хоть немного согреться.

Как его сюда занесло – Макс старался не думать. Планировалась обычная встреча: вошли, поговорили, вышли. А что в итоге? Он уже три недели здесь – машет киркой, таскает тачку, полезно проводит время.

Вокруг Макса шумело и кашляло, кряхтело и всхлипывало, стучало зубами и тихо материлось трудновоспитуемое человеко-множество. Полсотни рук, полсотни ног.

Голов, к сожалению, гораздо меньше. Макс слышал, что на некоторых станциях живут мутанты – но не особо в это верил. Интересно, сколько у них рук-ног, и по сколько голов на брата?

– Как ты? – спросил он Убера. Скинхед ухмыльнулся.

– Порядок, брат. Все по плану.

Макс кивнул – с сомнением. На Сенной тоже сначала все шло «по плану», а потом завертелось. Если бы не предчувствие, не раз выручавшее Макса в подобных ситуациях, лежать бы ему рядом с толстяком. Но сначала он захотел отлить, просто не мог терпеть, а по возвращении услышал странные металлические щелчки – нападавшие пользовались самодельными глушителями из пластиковых бутылок. В дверную щель Макс увидел Бухгалтера, лежащего в луже крови.

Макс не стал выяснять, что случилось. Он просто сбежал. Перед глазами до сих пор маячило удивленное лицо толстяка.

Если бы не работорговцы, взявшие его, спящего, в тоннеле Сенная-Техноложка, Макс уже был бы дома. Глупо, глупо, глупо вышло!

Но сегодня, дай подземный бог-идиот, все изменится.

– Максим, простите, вы мне не поможете? – голос профессора вывел его из задумчивости. – Еще раз простите, что отвлекаю...

Макс повернул голову. Профессор Лебедев – потомственный интеллигент, ай-кью ставить некуда. Каким-то чудом ему удалось выжить в метро – причем даже не на Техноложке, где ученым самое место, а на Достоевской – ныне заброшенной. И как его раньше никто не прибил?

Или не продал в рабство?

Впрочем, сейчас профессор здесь. А значит, его везение (как и везение Макса) закончилось.

– Конечно, профессор. Что вы хотите?

Лебедев положил на койку очки, пластиковые дужки обмотаны синей, почерневшей от времени, изолентой. Одно из стекол треснуло.

– Подержите Сашика, пожалуйста. А то он вырывается, а я ему никак ляжку не застегну.

Макс кивнул. Белобрысому Сашiku на самом деле было двадцать с лишним, но после электрошока и водных процедур – лечили «непослушание» – он подвинулся умом и застрял где-то в пятилетнем возрасте. Профессор за ним приглядывал.

Возможно, это и позволяло старику оставаться бодрым и не впасть в уныние.

– Сашик, стой спокойно, – сказал Лебедев строго. – Или дядя тебя заберет. Видишь этого дядю? Он страшный.

Сашик захихикал. Макс в образе «страшного дяди» не произвел на него впечатления. Макс тяжело вздохнул.

– Убер! – позвал он. – Убер!

Скинхед повернул голову и с усилием растянул губы в улыбке.

Увидев эту улыбку, Макс понял, что худшее еще впереди. Но на Сашика это подействовало гипнотически – он замер. И профессору все-таки удалось застегнуть на нем комбинезон.

– Готово, – сказал Лебедев. – Спасибо вам... ээ... молодой человек.

Он почему-то избегал называть Убера по имени.

– Нет... проблем... – скинхед перевел дыхание: –...проф. Обращайтесь.

Макс прислушался.

ВООООУ. Это стонали тоннели в перегоне Звездная-Московская. Характерный низкий рокот. Даже приглушенный, этот звук действовал на нервы.

Макс повел плечами. Людей он не боялся – совсем, каждый человек может быть вскрыт, как консервная банка – и буквально, физически, и на уровне психологии. Макс давно убедился, что его воля заточена лучше и бьет точнее, чем воля обычного человека. Макс, человек-откры-валка. А может, все дело в природной агрессивности...

Некогда существовала дурацкая теория, что от группы крови зависит характер человека, его психическая сила.

Так вот, первая группа – это хищники. Агрессивные, усваивают лучше всего мясо. Люди с первой группой крови появились на земле раньше остальных. Они самые первобытные. Таких даже вирус или грязная вода хрен свалит.

Вторая группа уже может быть собирателями. Корешки, грибы, травка. И так далее. Самая незащищенная – четвертая группа. Городские жители. Зато через одного гении и интеллектуалы. Но обладатели первой группы крови легко могут ими управлять – за счет агрессии и уверенности в себе.

Особенно в условиях, когда приходится выживать на подножном корме...

Макс помотал головой.

Потом вспомнил лицо придурка, что толкнул его в сортире. И вдруг почувствовал в ладонях знакомый зуд. Сердце билось ускоренно, дыхание учащенное. Бух, бух, бух. От адреналина горели щеки.

Наверное, у меня тоже первая группа крови, решил Макс.

«А еще я бы мог свалить Хунту. Вдвоем с Убером мы бы его точно сделали».

– Вот блин, – чей-то голос.

Макс заморгал. И снова оказался в душной бетонной коробке палаты. Двухъярусные железные кровати. Трудновоспитуемые, толкаясь и потея, заправляли койки, натягивали одеяла до скрипа (не дай бог Хунта найдет складочку) и приводили себя в порядок. Кстати...

Макс оглянулся. А где Убер?

Скинхед сидел на полу рядом с койкой и держался за голову – лицо белое, как бумага. Иногда скинхед принимался скрипеть зубами и раскачиваться. Макс вспомнил изуродованный шрамами затылок Убера и передернулся.

Как он вообще выжил? С такими травмами?

Убер почувствовал его взгляд и поднял голову. Белки глаз красные, страшные.

– Живой, брат? – спросил Макс.

– Ага. Не... обращай внимания... Я в порядке.

– Сомневаюсь.

Убер обхватил ладонями железные столбики кровати, стиснул – пальцы побелели, и начал подниматься. Встал. Посмотрел на Лебедева.

– Профессор, – сказал он через силу, – вы образованный человек... Как называется усилие, от которого мозг болит?

- Лебедев оторвался от Сашика, поднял брови – седые.
– Удар в челюсть вы имеете в виду, молодой человек?
Убер, несмотря на изуродованное страданием лицо, засмеялся:
– Ну, и шуточки у вас, профессор!
– Что вы, – сказал Лебедев растерянно. – Я... я вовсе и не думал шутить. Простите.
Убер замолчал, лицо вытянулось – теперь уже не от боли.
– Вы уникальный человек, профессор. Я серьезно говорю. Я с вас балдею.

* * *

Вскоре их подняли «нянечки» и повели строиться. Это называлось «поверкой».
Группу выстроили в межтоннельной сбойке. Традиция. Воспитатели тут носили пижонские белые халаты, а «нянечки» по-простому – что удобней, то и носили. Хунта нависал над низкорослыми воспитателями, как темный засаленный утес.

– Трудновоспитуемый Убер! – начал читать воспитатель.
– Я! – отчеканил скинхед. Макс почувствовал нотки издевки за внешней четкостью ответа.

– Трудновоспитуемый Лебедев!

– Я!

– Трудновоспитуемый Кузнецов!

– Я!

– Трудновоспитуемый Лемешев!

– Я! – откликнулся Макс.

– Трудновоспитуемый...
– У кого жалобы, шаг вперед! – приказал Хунта.

Никто не вышел. Дураков нет.

Младший воспитатель Скобелев (он же Скобля), холеный, самодовольный, в сером фланелевом костюме под белым халатом, повернулся к начальству:

– Товарищ Директор, переключка закончена. В наличии двадцать шесть воспитанников. Больных нет, отсутствующих нет. Отчет сдал младший воспитатель Скобелев. Разрешите приступить к трудотерапии?

Директор милостиво кивнул. Мол, конечно, конечно. Мятое лицо, редкие волосы. Макс впервые видел его так близко.

– Работайте, негры. Масса одобряет, – почти не шевеля губами произнес Убер. Макс подавил смехок. В строю захихикали.

Скобля повернулся к строю, кивнул «нянечке». Хунта заорал:

– По местам!

Дюжие «нянечки» повели колонну к месту работы. Трудновоспитуемые брали тачки и становились в очередь к земляному отвалу. Дальше в тоннеле находилась огромная машина-компрессор, оставшаяся со времен метростроя, – от нее тянулись шланги к отбойным молоткам. Молотками ломали кварцевые пласты, тачками вывозили породу.

Временами машина работала, но чаще – нет. Пока механики в синих комбинезонах – наемные «мазуты» с Техноложки – возились с ней, в воздухе волнами перекатывался ленивый мат. Без ругани, как и без смазки, починка не шла. Пока длился ремонт, долбить породу полагось вручную, ломами. Веселая жизнь.

Подошла очередь. Макс взялся за тачку, но фланелевый воспитатель покачал головой: не надо. Подозвал к себе – небрежно, чуть ли не пальчиком. Макс сжал зубы. Ничего, мы с тобой еще посчитаемся...

– Трудновоспитуемый Лемешев, вас хочет видеть Директор, – сказал Скобля официально.

Макс усмехнулся.

* * *

Кабинет Директора размещался под платформой станции, в некогда роскошном, по меркам метро, служебном помещении.

Сейчас от былой роскоши остались только следы – плакат «Соблюдай технику безопасности!» на стене, синий машинист смотрит сурово; несколько обшарпанных металлических шкафов; канцелярский стол. В углу замерло кресло, продавленное посередине. Коричневый дерматин расплзся, обнажив фанерное дно – обрывки поролона выглядели, точно плоть в месте укуса.

Плоть, из которой вытекла вся кровь. Макс вспомнил о дурацкой теории групп крови и усмехнулся.

Он помешал чай ложечкой, но отпить не решился. Макс отвык от горячего, а тут даже металлический подстаканник ощутимо нагрелся. От коричневой поверхности поднимался пар...

– Вы угощайтесь, – предложил Директор.

– Я угощаюсь, – сказал Макс. Интересно, что происходит? Зачем? Ладно, сформулируем по-другому. Макс прищурился. Почему именно сегодня?

Директор подошел ближе. Среднего роста, с виду не очень сильный, он, однако, рискнул остаться один на один с воспитуемым. Храбрец. Макс был известен как человек, создающий трудности. Несколько драк, конфликты с другими воспитанниками, дерзость и упрямство...

Неделя карцера не смогла исправить его характер.

Зато волосы немного отросли.

– Мне кажется, вы озадачены, – сказал Директор. Какой милый человек, подумал Макс с иронией. Сейчас поинтересуется, нравится ли мне чай.

– Чай не слишком горячий? – спросил Директор.

Я бы мог вырубить его, подумал Макс. Взять в заложники и выбраться отсюда.

– Что? – спохватился он.

– Как вам чай? Не слишком горячий?

Макс запоздало отхлебнул. Не чай, конечно – хотя он все равно толком не помнил вкус настоящего чая. Помнил Макс только одно – чай должен быть сладким. Этот – был.

Офигенно, правда.

– Очень вкусно, – сказал Макс. – Вы за этим меня позвали, Директор? Чтобы узнать мое мнение о вашей заварке?

Директор улыбнулся. Зубы мелкие и ровные, на некотором расстоянии друг от друга. Странная манера речи – словно уговаривающая, с доверительными (с чего бы вдруг?) интонациями. Обменявшись с Директором парой фраз, Макс невольно начал гадать – откуда мы с ним знакомы?

Прием. Очередной дешевый психологический прием.

– И это тоже, – сказал Директор. – Впрочем... Вас ничего не удивляет? Может, у вас есть вопросы?

Макс усмехнулся.

– Ну же! – подбодрил Директор.

– Я думал, здесь одни коммунисты.

– Верно, – согласился Директор после паузы. – Раньше так и было. Мы не отказываемся от своих корней. Но мы, настоящие питерские коммунисты, не можем стоять на месте. Нам нужно развитие. Остановка развития – это смерть, а мы не можем себе такого позволить.

– Но зачем вам тоннель в Москву? Это ведь бред, честное слово. Вы вроде умный человек...

Директор улыбнулся.

– Именно.

– Так, – сказал Макс, глядя на бывшего коммуниста с новым чувством. – Вы и не рассчитываете добраться до Москвы?

– Знаете, Максим Александрович, скажу вам по секрету. Если завтра мы каким-то чудом дороемся до Москвы, то сразу же начнем новый тоннель...

Макс прищурился. Интересная постановка вопроса. Перспективная.

– И куда же?

– Да куда угодно. В Нью-Йорк. На Луну – почему нет?

– Но – зачем?!

– Великая цель не может быть выполнимой. Понимаете, Максим? Иначе это уже не великая цель, а – тьфу. Временный успех.

– Тогда зачем нужна эта цель? Нам выжить хотя бы.

Директор покачал головой.

– Выживание – это непродуктивная цель, Максим. Как бы вам объяснить... Возможно, вы слышали: раньше, задолго до Катастрофы, люди отправлялись в экспедиции. Северный полюс, Южный. Если что-то случалось – а всегда что-то случается, это закон Мерфи – они возвращались обратно. А еды уже в обрез. Полярная ночь, мороз, чтобы согреться, надо хорошо кушать. И тогда начиналось самое простое и самое очевидное. Понимаете, Максим? – Директор выдержал драматическую паузу. – Когда единственная цель – выживание, главным становится вопрос: кого мы съедим следующим.

– И что делать? – Макс с интересом посмотрел на Директора. – Людей-то не изменишь...

Директор помолчал. Взял со стола блестящий стетоскоп, повертел в пальцах, снова положил. Поднял взгляд на Макса.

– Вы думаете? Возможно, люди не виноваты. Возможно, люди просто больны.

* * *

– Или плохо воспитаны. Иногда я думаю, что весь мир – сумасшедший дом, Максим Александрович.

Макс прищурился.

– И вы решили взяться за его воспитание?

– Мне пришлось, – сказал Директор скромно.

– Это тоже великая цель?

– Да, – он снова улыбнулся. – Но в данном случае – вполне выполнимая. И, как бы это объяснить... не основная цель. Понимаете, если бы мы объявили, что «оздоровление человечества» – и есть наша задача, все бы давно разбежались. Не смотря на строгость «нянечек». Потому что все знают: лечиться можно бесконечно.

– А тоннель?

– Любой тоннель рано или поздно заканчивается. И выводит на свет, как сказал один классик. – Директор поднял палец. – В теоретическом светлом будущем, конечно.

Стук в дверь.

– Да? – сказал Директор. Дверь скрипнула, в щель просунулась мордочка секретаря. Острая, как у крысы.

– Простите, товарищ Директор, но вы просили сообщить... Моргусы приехали. Прикажете выдать им тела? Или подождать?

– Что, вы и этого без меня решить не можете?!

В ответ на начальственный гнев мордочка стала еще острее, сморщилась и исчезла.

– Видите, Максим, – Директор повернулся. – Как бывает... Даже элементарные вещи приходится решать самому. Чаю попить некогда! Так о чем мы говорили?

Макс вздохнул:

– О светлом будущем. И о том, какое место в этом будущем должен занять я...

* * *

Директор внимательно посмотрел на Макса, кивнул:

– Прекрасно! Вы нужны нам, Максим. У вас явные задатки лидера.

Макс не сразу сообразил, что ответить.

– Это, видимо, чувствуется по тому, как я вожу тачку? – съязвил он наконец. – Прирожденные лидеры бегают по-особенному, я понимаю.

Директор кивнул:

– Вы ерничаете, это ваше право. Но подумайте вот о чем, Максим: откуда, по-вашему, берутся воспитатели?

Макс залпом допил остывший чай, не чувствуя вкуса. Поставил стакан на стол. «Хочешь быть одним из нас?» Намек вполне прозрачный.

– Не торопитесь, – сказал Директор. – У вас есть время подумать. Может, у вас остались вопросы?

Макс облизал пересохшие губы. Вопросы? Есть вопросы. Как мне отсюда слинять?

– Кто меня... хмм, – он помедлил. – Кто меня рекомендовал?

– Константин Болотько.

– Кто это?

Директор улыбнулся.

– Думаю, вам он больше известен как... Хунта.

* * *

Из кабинета Макс вышел в задумчивости. Не то, чтобы его вдруг начали радовать местные порядки... Но после разговора с Директором многое встало на свои места. Странные на первый взгляд правила складывались в единую систему, которую было бы неплохо изучить. Задумчивого Макса отловил «нянечка» и вручил тачку – видимо, чтобы тот зря не переводил мысленную энергию. Макс очнулся, только когда катил тачку обратно – груженную выработанной породой. Ладони гудели.

– Что с тобой, брат? – спросил Убер. Макс коротко пересказал разговор с Директором – опустив некоторые подробности. Скинхед хмыкнул.

– Директор сумасшедшего дома, – с каким-то даже удивлением произнес он. – Да уж... Не хотел бы я под такой вывеской полежать.

– А под какой бы хотел?

Уберфюрер почесал лоб.

– Даже не знаю. Может, «Здесь покоится свободный человек»? Или: «Он сбросил диктатора и мерзавца!» Как тебе?

– Разговорчики! – заорал один из «нянечек». Пошел к ним, сжимая в кулаке дубинку... Убер подмигнул Максу и покатил тачку дальше.

* * *

Больше всего это напоминало китайскую лапшу, сильно разваренную, залитую красноватым соусом с привкусом рыбных консервов. Но воспитуемым было все равно, лишь бы горячее. Стук ложек – настойчивый, торопливый – слышно, наверное, даже на Московской.

Несмотря на сомнительный вкус варева, Макс съел все – но сытости не почувствовал. Даже близко не. Облизать миску, что ли? Он задумался. Да как-то не комильфо.

Другие, впрочем, были не столь щепетильны – миски вылизывались вовсю. Макс огляделся.

Мужик с поджарым лицом, словно высушенным радиоактивным излучением, в сердцах отодвинул пустую миску. Бросил ложку. Звяк!

– Порции все меньше, – сказал он. – Не, ну... – он задумался, как выразить свое возмущение.

– Ну, не звездац ли? – подсказал Убер.

Мужик недоверчиво уставился на скинхеда – издевается? Потом решил, что формулировка точная.

– Истинный звездац! Экономят, уроды, – сказал он решительно. – На нас экономят! В Москве уж точно не так.

Скинхед ослепительно улыбнулся.

– Это да, – согласился он. – И даже тоннели у нас уже, чем московские! Мне один из метростроя рассказывал, что в Москве тоннели шесть метров в диаметре, а у нас пять с половиной. Опять сэкономил, сволочи, – пожаловался Уберфюрер непонятно кому. – Представляешь, брат?

За столом уже откровенно ржали.

– Ты смотри, – с тоской сказал тот же поджарый мужик. – Куда податься человеку? Где найти хорошее место?

Скинхед улыбнулся. Двух передних зубов не хватало – что придавало бандитской физиономии Убера особое обаяние.

– На Зурбаган, – сказал он.

– Так это же сказка... – протянул поджарый разочарованно.

– Ну и что? Лучше хреновая сказка, чем дерьмовое здесь. Я вообще люблю сказки. Если бы в этом мире не было сказок, в нем бы давно уже ничего приличного не осталось. Вот Киплинг, уж на что был солдат и джентльмен, а сам писал сказки. Отличные. Коммунизм – тоже сказка. Ну и что? Все равно он когда-нибудь наступит. И будет счастье.

– Прямо уже наступил, – сказали из толпы с сарказмом. – Одни коммунисты вокруг, а ни одного счастья лишнего.

– Это верно, – кивнул Убер. – Этого они не учли. А где лучше?

Народ вокруг зашумел, загомонил – тема «где в метро жить хорошо» никогда не надоела. Здесь каждый мог вставить свое слово.

– Вот бы на Восстании... там, говорят, неплохо.

– На Восстании уже была война, им только тебя не хватало, придурок.

– Заткни пасть!

– Да пошел ты.

– А Кировский? – спросил кто-то. – Там как?

– Кировский завод, что ли? Знаю, – махнул рукой Уберфюрер. – Я там бывал. Еле живым выбрался. Нет там ходу нашей братии, забей, братишка. Гопота одна собралась. Ни закону, ни порядку. Как они друг друга еще не перебили, не знаю. Самый проблемный район был в Питере, еще даже когда ничего не началось...

Макс представил вереницу людей, стоящих на коленях. Выстрел, выстрел, выстрел. Бах, бах, бах! Кировцы падают один за другим. Следующий громила валится лицом вперед (хотя лица у него больше нет), на мощной шее – синяя татуировка «летучая мышь». Макс видит: рукав коричневой кожаной куртки, в руке – пистолет. Банг!

Вспышка.

Кувыркаясь, медленно летит гильза. Падает на гранитный пол, отскакивает со звоном... катится...

– Они, прикинь, нас вообще за людей не считали, – продолжал Убер. – Мы, кричат, за дружбу народов! И давай нас мочить. Какой-то вор в законе у них главный. Но я думаю, это все фуфлю – насчет «в законе». Явно какой-то отморозок. Вообще, кировская братва, говорят, совсем страх потеряла...

– В каком смысле? – Макс поднял голову.

– На Нарвскую лезут вовсю. Как тараканы. Но там у них тоже крутой перец есть, Лётчиком зовут. Правильный мужик, я слышал... Хотя и отморозок, конечно.

* * *

– Этой ночью? – Уберфюрер почти не разжимал губ. Он остановился, сделав вид, что колесо тачки попало в выбоину.

Макс кивнул.

– А то задержались бы, – предложил Убер, выворачивая рукоятку, чтобы колесо выехало из ямы. – Я бы тут профсоюз сколотил. Или боевую ячейку.

– Сколоти гроб, – посоветовал Макс. Мотнул головой. – Вон для того придурка.

Там стоял фланелевый тип, что руководил их «воспитанием». Скобля.

Убер улыбнулся. К ним уже шел «нянечка» Хунта – судя по всему, заготовив пару ласковых. Скинхед толкнул тачку, мимикой лица показал злобному амбалу: все, все, уезжаю. Работаю в поте лица. Задницу, простите, рву.

Макс сжал, разжал ладони, разгоняя кровь. Поудобнее взялся за рукоятки тачки и покатил...

Сегодня.

* * *

Уберфюрер на ходу запел – негромко, высоким, но очень приличным голосом:

Из праха человека слепил Господь
А мне Господь дал кости и плоть,
Кости да плоть, спина как плита
Но мозги тупые и башка не та!

Докатил тачку до ряда тележек, аккуратно поставил и бегом вернулся в строй. Прямо идеальный заключенный. Воспитатель милостиво кивнул.

Скинхед выпрямился.

– Трудновоспитуемый Убер прибыл! – доложил он. «Нянечка» посмотрел на него наливыми кровью глазами. Хунта не доверял Уберу, особым надзирательским чутьем выделяя его как потенциального бунтовщика. Но скинхед вел себя с утра как шелковый, поэтому «нянечке» не за что было уцепиться. Хитрец.

– Перекур десять минут! – объявил воспитатель.

Трудновоспитуемые расселись вокруг железной бочки с песком. Настоящего табака ни у кого не было, даже «нянечки» курили какую-то траву, выращенную в дальних тоннелях. И ее же сбывали воспитанникам.

Уберфюрер был в своей стихии. То есть, трепался.

– Это раньше она Дыбенко была, – пояснил Убер белобрысому пареньку. Лицо у того было измученное. – Понимаешь, трудновоспитуемый брат мой?

– А сейчас?

– Сейчас «Веселый поселок».

– Какой-какой? – переспросили из толпы курильщиков. Над головами плыл синеватый колючий дым.

– Веселый поселок, брат. – Убер повернулся, вздохнул: – Это такая была жизнь! Песни, танцы, фейерверки, радость была ключом. Его поэтому его и называли Веселым. Лучше места в Питере не было. Это как Диснейленд... тьфу, ты же про него ничего... как ярмарка на Сенной! Только в сто раз лучше.

Пожилой каторжник хмыкнул. Протянул Уберу дымящийся окурочок. Скинхед поблагодарил кивком и затянулся. Медленно, с наслаждением выпустил дым. Передал курево дальше.

– Ну, ты хватил, в сто, – недоверчиво протянул один из молодых. Они сидели на корточках, друг за другом, у курилки. Когда человек затягивался самокруткой, его лицо в полутьме подсвечивалось красным. Жутковатое зрелище.

Словно молокососы корчили рожи на спор – кто страшнее.

– Я тебе говорю! – завелся Уберфюрер. – Что, не веришь?

– Верит он, верит, – ответил вместо молокососа Макс. Еще не хватало, чтобы темпераментный скинхед приложил пацана об стену в процессе доказательств.

– Там такая красота была – умом тронуться можно, вот такая красота!

– А сейчас там что? – спросил молокосос. Убер почесал затылок.

– Да фигня всякая. Грибники засели, наркоши. Растят свои грибочки, да продают – не знаешь, что ли?

– А! Дурь.

– Не дурь, а грибы, мальчик. Большая разница. Галлюциногенные. Только эти какие-то хитрые, садят нервную систему в момент. Вот и ходят там работнички ихние. Отработал, получил грибочек, побалдел – опять работай. А сами торгуют и живут. Нет, брат, по мне лучше веганцы.

Максу вспомнился пронизывающий холод, что он чувствовал в присутствии «зеленых». Да уж. Убер нашел, с кем сравнить...

– Много ты про веганцев знаешь, – поддел Макс скинхеда.

– Ага, – смутить Убера было невозможно. – Я много чего знаю. Я, прикинь, брат, даже в армии служил.

– Где это?

– У них и служил. У веганцев-поганцев.

Макс даже не нашелся, что сказать. Убер, алмаз подземелий, повернулся к нему очередной из своих скрытых граней.

– И как оно? – молокосос оживился, глаза заблестели. Макс отметил: треп Убера на удивление благотворно действует на людей.

– Нормально. Мне даже понравилось. Потом я, правда, сбежал.

– А чего сбежал, если понравилось?

– Мяса захотелось. Оно мне даже снилось, представляешь? У веганцев хорошо. Перед боем пожрешь зелени вволю, потом дают сигаретку – я покурив, торкнуло так, что все метро как на ладони, до последнего уголка. Без всякого прибора ночного видения, прикинь? Глаза как

плошки и светятся. Все вижу. И не страшно ни фига. Единственная проблема: я, как покурю, на меня жрач нападает. Просто сил нет. И только мясо – другого организм не признает.

Иду в атаку, а сам о жратве думаю. Держу автомат, а сам ищу, чего бы где натырить. И везде мне куски жареного мяса мерещатся. И запах... понимаешь? Запах везде – он меня прямо с ума сводит. Вот и сейчас – представляешь? – чувствую запах крысиного шашлыка. На ребрышках...

Внезапно Макс понял, что тоже буквально чувствует этот запах. Казалось, воздушный поток доносил нотки пригоревшего на огне мяса.

К аромату жареного примешивался отчетливый запах горячей проводки.

Тут Макс понял, что шашлыки на сегодня отменяются. Это же...

– Пожар! – сообразил один из курильщиков. – Спасайся, кто может! ПОЖАР!

* * *

– ПОЖАР! – закричали впереди.

Народ заволновался. Трудновоспитуемые вскакивали, задирали головы, пытались рассмотреть, что там, в тоннеле. Макс тоже попробовал. Но с его ростом это оказалось непросто. Всегда найдется кто-нибудь, кто выше тебя – даже среди... Вот оно, правильное слово. Здесь, на Звездной, их величали «трудновоспитуемыми», в остальном метро – гораздо проще. Макс усмехнулся. Что скрывать? Рабы.

Конечно, до веганцев местным далеко, но – все равно. Сути это не меняет.

У веганцев плети и увечья, здесь – электрошок и водные процедуры, кандалы и лишение света. Отсидев в карцере неделю, Макс не испытывал к местным особой нежности.

– ПОЖАР! – крикнули уже рядом. Трудновоспитуемые загудели. Страшнее пожара в метро – только прорыв грунтовых вод, когда может затопить целую станцию. Или вот Разлом – чудовищный провал в земле, разделивший красную ветку на две части.

Макс посмотрел на Убера, тот подмигнул. Мы думаем об одном и том же?

– Всем стоять здесь! – приказал Хунта.

При его приближении строй ощутимо прогибался. «Нянечка» остановил взгляд на невинно улыбающемся Убере, хотел что-то сказать, но вдруг впереди, в тоннеле, громыхнуло. БУМ. Вспышка! Даже сюда, до воспитуемых, долетела волна горячего воздуха.

– Всем стоять! – взревел Хунта, развернулся и побежал. В сторону Московской – туда, откуда тянуло дымом и жареным мясом.

– Отлично, – сказал Убер. – О-отлично.

– Мы все умрем. Что делать? Что делать?! – Всегда найдется паникер.

Макс вздохнул. Снова непредвиденное. Случайный пожар – в план побега это не укладывалось, впрочем, как и разговор с Директором. Круто. То ничего, то все сразу.

Народ заволновался. Воспитуемые толпой окружили Макса со скинхедом, загомонили.

– Без паники! – велел Убер. – Пускай они волнуются, – он кивнул на воспитателей, которые, действительно, засуетились, забегали. Из тоннеля доносились крики и далекий, едва слышный, гул пламени. Красные отсветы плясали на лицах собравшихся каторжан.

– Кто это поджег? – спросил тот же молокосос.

Уберфюрер улыбнулся. Словно был рад пожару.

– А тебе не все равно?

На середину тоннеля выбежал воспитатель с металлическим рупором.

– ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТАХ! – гулко приказал он.

Убер хмыкнул. Макс посмотрел на него со значением, скинхед кивнул. Сегодня. Прямо сейчас! Они стали пробираться сквозь толпу, следуя параллельными курсами. Начинается

веселье. Макс шел, чувствуя, как горят щеки и нарастает стук сердца. Ладони зудели, как перед хорошей дракой...

Адреналин.

Адреналинчик.

* * *

В толпе, волнующейся, словно море в шторм, Уберфюрер и Макс сошлись в одной точке. Точкой приложения силы оказался воспитатель Скобля.

– Уважаемый, – начал Убер. – Вы когда-нибудь танцевали с дьяволом в свете бледной луны?

Глаза воспитателя расширились, он открыл рот... Макс коротко, без замаха, ударил. Хех! Скобля задохнулся. Костяшками в солнечное – тут особо не покричишь.

Макс ударил еще раз, ребром ладони по сонной артерии. Готово. Убер подхватил обмякшее тело воспитателя, мягко опустил на пол. Вокруг шумела толпа. Пока Макс прикрывал, Уберфюрер наклонился, зашуршал...

– Лови, – он передал Максу белый халат. Логично. Не скинхеду же изображать просветленную интеллектуальную личность? Хотя – почему нет? Воспитатель из Убера получился бы как минимум забавный.

Макс натянул халат. Убер выпрямился и вручил ему респиратор. Оглядел преобразившегося приятеля.

– Сойдет для сельской местности, – подвел итог. Затем вручил Максу длинный черный фонарь, тот, что был у Скобли. – Держи для полноты картины. Ладно, ты подгребай сюда профессора и мальчика. – Убер усмехнулся: – А я пока повеселюсь.

Макс кивнул. Запах гари стал сильнее, от дыма начало першить в горле.

Вдалеке кричали люди, и противным голосом выла пожарная сирена.

– Братья! – закричал Уберфюрер. Вскочил на перевернутую бочку, воздел руки. – Близок час последний! Революция стоит на пороге! Ибо как сказал великий Эрнесто Че Гевара...

Мда. Скинхед в своей стихии. Макс побежал искать профессора с Сашиком. Лебедева нужно вытащить, без Убера с Максом он здесь долго не протянет...

В общем, пора делать ноги.

* * *

Сплоченной группой они вырвались из толпы.

Убер нес на плече лом, профессор и Сашик – лопаты. Макс в белом халате воспитателя шел во главе, лицо – надменное и деловое, прямо начальник кладбища. Аккуратный респиратор довершал картину. Так что никто из охранников не заподозрил в них беглецов.

Они прошли мимо служебной платформы. Мимо пандуса.

У дальнего конца платформы на путях стояла дрезина мортусов. На прицепе лежали два упакованных в брезент тела. Макс прикинул: нормально, влезем, еще место остается. А вот и сменные плащи могильщиков. Отлично!

Уберфюрер кивком показал – смотри. Глаза его горели.

– Да, – сказал Макс. «Самое время побыть мертвым. А то убивали меня, убивали...»

– Кажется, – сказал Убер. – Мы думаем об одном и том же.

Макс кивнул. Если взять дрезину мортусов...

– О бабах, – закончил скинхед, почесал лоб. – В последнее время я в основном о них и думаю... Ну что, берем аппарат?

* * *

Мортусы, могильщики метро, обитали на двух станциях – Бухарестской и Международной, в самом низу фиолетовой ветки. Только у мортусов был доступ на все обитаемые станции – за исключением станций Империи Веган.

– Быстрее! – сказал Макс. Они с Убером надели Сашику и профессору противогазы, завернули эту парочку в брезент, положили рядом с настоящими трупами. Теперь одеться самим... Макс застегнул плащ, повернул голову.

И тут увидел.

– Убер, – сказал Макс негромко.

– Да не волнуйся, сейчас поедем... – скинхед натягивал плащ. – Блин, что ж вы такие невысокие...

– Убер!

Скинхед резко обернулся, улыбка замерла на губах. Молчание. Перед беглецами стояли мортусы. Лица их, наполовину закрытые респираторами, казались невозмутимыми.

– Оп-па, – сказал Убер. В растерянности почесал затылок. – Как-то неловко вышло. Мужики, без обид. Такое дело...

Мортус сделал шаг вперед. Макс мысленно выругался.

В руке у могильщика блеснул пистолет. Старый потертый «макаров».

Второй мортус откинул полу плаща и поднял к плечу укороченный «калаш».

– Руки, – велел мортус с пистолетом.

Макс поморщился. Ситуация стала... хмм, сложной.

Нападение на могильщиков, черт. На цивилизованных станциях за такое казнят без разговоров. И труп должен висеть в тоннеле, пока не сгниет – только тогда его снимут и отдадут мортусам для погребения.

– Никогда не видел вас, парни, с оружием, – Убер преобразился – будто «стволы» в руках могильщиков снимали всякий налет неловкости. – Что, мужики, мертвецы нынче пошли шустрые? Понимаю, понимаю. Ночь живых мертвецов или куда в деревне без нагана. Да, кстати. Будете у себя в деревне, передавайте привет Барахольщику!

Мортусы переглянулись. «Какой еще Барахольщик?» – читалось в их глазах.

Вот и все, подумал Макс. Приехали. Он крепче сжал обрезиненный металлический корпус. Фонарь длинный и тяжелый, им можно действовать как дубинкой. Раз уже ничего не остается... надо рискнуть. Ладонь взмокла.

– Это вы подождли? – спросил Убер. Макс не понял, что тот имеет в виду. Подождли? Зачем?!

Мортусы переглянулись.

– Ага, – сказал тот, что с «калашом». – Откуда знаешь?

Тот из мортусов, что повыше ростом, поднял «макаров» стволом в потолок. Стянул респиратор с лица. «Мать моя женщина, – подумал Макс. – Это же...»

– Привет, босс! – сказал мортус. У него оказалась гнусная физиономия с кривым носом и бородавками на щеке. И мерзкая совершенно улыбка. – Не узнал, что ли?

Долгое мгновение... Макс выругался от облегчения.

– Хаммер! Вот ты сволочь, а? Ну, вы меня купили, ребята.

Убер хмыкнул. Макс ткнул рукой в фальшивых «мортусов», затем в скинхеда.

– Убер, это свои. Свои, это, Убер.

Скинхед запрокинул голову и расхохотался.

* * *

Дым стелился под потолком, заворачивался синеватыми клубами. Дрезина монотонно стучала. Видимость упала. Пожар был в соседнем тоннеле, но и здесь дыма хватало.

В горле начало першить.

– Маски, – напомнил Убер. – Они должны быть в ящике под сиденьем. Живее, пацаны! Ну же!

К счастью, у мортусов кроме респираторов оказались и изолирующие противогазы. Едва беглецы успели их надеть, как дрезина въехала в особенно густой дым. Не видно ни черта.

Хаммер сидел на рычагах управления – второй «мортус», его звали Костей, молчаливый коренастый парень, возился с мотором. Убер насвистывал. В общем, отличная компания могильщиков. Макс повертел в руках фонарь Скобли, передвинул рычажок на включение. Щелк.

Световой луч в дыму выглядел толстым, будто подземный червь. И живым. Макс про огромного червя только слышал, но, говорят, их в метро уже много.

– Хороший фонарь, босс, – оценил Хаммер.

– Да.

– Откуда вы взяли дрезину? – полюбопытствовал Убер.

Хаммер неопределенно пожал плечами. Костян усмехнулся, но ничего не сказал. Ясно. Макс даже не стал уточнять.

Дрезина доехала до двухсотой отметки. Здесь горел фонарь, с толстых проводов свисали заросли темно-коричневой травы. Макс подумал, что поостерегся бы к ней прикасаться.

Сюда дым уже не доходил, противогазы можно было снять.

Миновали блокпост. Охранник при виде дрезины приподнялся со стула и лениво помахал рукой. Зачем-то улыбнулся.

Лицо его напоминало лицо того типа, что толкнул Макса утром.

Черт.

Макс почувствовал знакомый зуд. В груди болело, словно внутри – стальная пружина. И вот ее сжимало, сжимало все это время, пока он был на Звездной – и теперь надо пружину отпустить, пока его, Макса, не порвало на фиг.

Макс приложил ладонь к груди и ощутил холод металла. Зуд стал сильнее.

Надо было взять у Хаммера оружие, подумал Макс.

Вскинуть пистолет и разрядить его прямо в эту улыбающуюся рожу. Два патрона. Вполне хватит, чтобы почувствовать себя лучше...

Чтобы пустота внутри стала не такой... пустой.

– Брат, – негромко позвал Убер.

– Да-да, – Макс спохватился и помахал охраннику рукой. Все в порядке, мол. Охранник с некоторым сомнением посмотрел на него. Потом еще постоял, глядя на дрезину, кивнул и повернулся спиной.

Дрезина въехала в неосвещенный тоннель.

* * *

Макс помедлил. Не делай этого, сказал себе. Но в следующее мгновение уже спрыгнул – земля ударила в пятки, шорох камней. Он с трудом удержал равновесие, выпрямился. Время, время. Быстрым шагом пошел к блокпосту, на ходу перехватывая фонарик как дубинку.

– Босс, ты чего? – запоздало спросил Хаммер. Макс не обернулся, продолжая шагать.

Охранников было двое. Один, которого Макс до этого не видел, читал старый журнал с порнографией. При звуке шагов охранник поднял голову...

Макс сделал шаг и ударил его фонариком снизу вверх, в челюсть. Бум. Охранник рухнул вместе со стулом назад, журнал упал ему на лицо. Макс увидел на обложке девушку с огромной грудью. Второй охранник повернулся на звук. Глаза его расширились.

– Я тебе не кто-то, понял, урод?! – сказал Макс. Охранник побледнел, отшатнулся, рука потянулась к кобуре... Медленно. Слишком медленно. Разве можно быть таким рохлей? Макс ударил наотмашь – хруст. Брызги крови. Охранника развернуло. Макс перехватил фонарь двумя руками, словно топор, и обрушил его на затылок противника. Н-на!

Тот повалился – плавно, как во сне.

Макс наклонился над телом. Охранник еще дышал. Вот урод! Макс замахнулся...

Ударил. Еще. И еще раз.

Брызги.

– Хватит! – Макса дернули за плечо. Он повернул голову, собираясь разбить башку следующему придурку... Что за торопыга снова?! Запястье Макса перехватили. Он взревел от ярости, вскочил на ноги...

Перед ним был Убер. Долгое мгновение они смотрели друг на друга.

– Пошли, – сказал скинхед негромко. – Нет времени.

Макс оглянулся. Охранник лежал в луже крови и стонал. Теперь он ничем не напоминал утреннего обидчика.

– Надо уходить, – повторил Убер.

Макс молча посмотрел на него, потом перевел взгляд на свою руку с фонариком. С длинного черного корпуса капала кровь. Стекло разбито, лампочка моргает. Макс разжал пальцы – фонарь упал на землю, закачался. Свет его, неровный, подрагивающий, упирался в черную брючину охранника. В качающемся свете было видно, как из-под тела вытекает темная жидкость.

Они с Убером добежали до дрезины, запрыгнули.

– Наконец-то! – Хаммер рванул рычаг. Под нарастающий вой двигателя и визг металла дрезина помчалась прочь от Звездной. Взлетели и рассыпались синие искры. Макс моргнул. Отсветы искр все так же мелькали, куда бы он ни посмотрел. Макс закрыл глаза. Пальцы дрожали.

Отпечатки искр мелькали даже с закрытыми веками.

– Дальше безбожники могут бродить, – зачем-то пояснил Хаммер.

– Знаю, – сказал Макс. Еще бы. Банда грабителей и работяг, что называют себя «безбожниками» – вот причина, почему он оказался на Звездной. А мог ведь и к веганцам попасть. На самом деле: чистое везение.

И своевременная молитва богу-идиоту, видимо.

– Быстрее! – велел Макс, открыл глаза. – Да, этих... живых мертвецов... – он кивнул на брезентовые свертки. – Можно освободить. Теперь уже без разницы.

Конечно – после того, как он их выдал. Теперь дрезину придется оставить.

Костян перепрыгнул на прицеп, встал на колени, достал нож. Примерился, где резать.

– Только не ошибись свертком, – сказал Убер негромко. Костян в испуге отдернул руку, Хаммер заржал.

Скинхед ни о чем не спрашивал. Когда он передавал фляжку с водой, Макс заметил, что пальцы, обхватывающие помятый металл, без ногтей. Совсем. Просто уродливые розовые обрубки.

– Она скучает возле стойки... – запел Убер. Он прикрыл глаза, откинулся на сиденье. – В фартуке, с салфеточкой...

Макс приложил фляжку к губам, сделал глоток. Дрезина стучала. Под противный скрип металла и негромкий блюз они въезжали в вязкую глухую черноту.

– Как конфетка... что ты здесь забыла, деточка... Что-то ни черта мой голос не подходит для блюзов, – сказал Убер негромко.

– Нормально, – Хаммер почесал ухо, сплюнул. – Ори дальше.

* * *

Лучи фонарей высвечивали тубинги, заросшие бурой массой вроде губки. Местами ее было столько, что казалось, потолок дышит.

– Не люблю тоннели, – Хаммер поежился. – У меня от них мурашки по спине и это... отлить все время хочется.

– Так иди и отлей, – сказал Убер насмешливо.

– Не могу. Я когда нервничаю, не получается.

Через полчаса добрались до места. Крррк. Дрезина остановилась.

Хаммер спрыгнул на землю и бросился в темноту. Через несколько мгновений там раздалось бодрое журчание, а по прошествии времени – долгого времени – довольный вздох.

– Кайф, – сказал Хаммер, возвратившись.

– Рад за тебя, – Убер хмыкнул. – А чего встали?

– Так это... приехали.

– Куда?

Костян молча поднял фонарик и осветил ржавую металлическую дверь с надписью «ВШ-300. Службное. ВХОД ЗАПРЕЩЕН».

Вентиляционная шахта номер триста. Круглое число.

Внутри царил мрак. Хаммер принес из дрезины и зажег карбидную лампу – трепещущий желтый свет залил помещение. Оно выглядело заброшенным. Когда-то его успели разграбить: стены ободраны, инструментальные ящики вскрыты. Разруха. Трубы покрыты толстым слоем ржавчины и наростами грязи. Циферблаты с разбитыми стеклами, запыленные. В углу свалены противогазы с хоботами, похожие на кладбище червяков, которым зачем-то перерезали горло.

Вообще, после Катастрофы такие помещения через одно. Ладно, хоть крыс здесь нет. Или есть?

Хаммер разыскал под завалами хлама тайник, начал вытаскивать свертки. Одежда, снаряжение, всего понемногу. Фонари, спички, веревки. Ножи. Запасные противогазы.

Убер оглядел противогаз, наклонил голову, пытаясь прочитать при таком свете маркировку на донышке фильтра. Крякнул. Зачем-то взял фильтр и встряхнул – внутри брякнуло. Ухмыльнулся.

– Пойдем поверху? – спросил он. – Лучше бы так.

Макс покачал головой. Соваться на поверхность? Спасибо, на то есть сумасшедшие сталкеры. Психи.

– А чего тогда? – Убер почесал лоб, зевнул. – Кстати! Жрать-то как охота... Прямо хоть возвращайся к ужину.

– Хаммер, – сказал Макс. Фальшивый мортус кивнул.

– Намек понял, босс. Ща сообразим.

При виде толстых банок довоенной тушенки – белорусской, судя по наклейкам – беглецы оживились. Макс сглотнул, в животе заурчало. Красота и пир. Хаммер воткнул нож в крышку, надавил – по воздуху поплыл невероятный мясной дух.

Костян выдал всем алюминиевые ложки. Некоторое время в комнате ВШ слышалось только чавканье и скрежет ложек по жести.

– Расскажите мне новости, – попросил Макс, орудуя ложкой. – А то я тут совсем одичал. Что в мире нового?

Костя с Хаммером переглянулись.

– А ты не слышал, босс? – Хаммер почесал ухо. – Разогнали тут недавно секту людоедов.

– Кого?

– Людоедов. Они, короче, людей выводили из метро и там жрали.

Макс выловил кусок мяса из банки, закинул в рот, проглотил, почти не жуя. Аж руки трясутся, так нормальной еды хочется...

– Зачем? – Макс облизал ложку. Вкусно, вкусно, вкусно.

– Что зачем?

– Зачем выводили? В самом метро нельзя было жрать?

Хаммер задумался. Пожал плечами.

– Может, на свежем воздухе человечина вкуснее. Не знаю, босс. Да и не в том фишка. В общем, жрали они себе людей, никого не трогали, но тут один суровый мужик, настоящий «челябинец», решил, что не фиг людей жрать. Принципиальный. Ну, сходил и разобрался с ними. Тараном его зовут, может, слышал, босс?

– Слышал, – кивнул Макс. – Крутой мужик, говорят.

– А заодно этот типа герой притащил нам туеву хучу новых проблем.

Хаммер пересказал байки про буровую платформу, что дрейфовала в море, а теперь пристала к берегу и наладила связь с метро. И народ к ним попер из подземелий. Там, говорят, еще целый остров – на поверхности.

Интересная фигня.

– Теперь надо думать, чего делать с этими, морячками... К ним народ потянулся, все хотят жить в тепле и сытости. У нас тоже несколько человек ушли. Просто уходят. Просыпаясь, а кто-то еще исчез. Я вот что подумал, босс. Скоро мы будем жить наверху. Все.

– Ну-ну, – сказал Макс. – Разбежались.

Новые перспективы. Платформа с технологиями, выход на поверхность... Да, надо подумать.

После настоящей, сытной еды потянуло в сон.

– Через двадцать минут выступаем, – приказал Макс. – Кто хочет отдохнуть, – он зевнул с рычанием: – о-о-отдыхайте.

* * *

Когда остальные занялись своими делами, Макс присел рядом с Хаммером. Сказал тихо:

– Там теперь кто рулит? На Нарве?

Хаммер помедлил.

– Я задал вопрос, – Макс прищурился. – Ну!

– Цвейг.

Макс не сдержался, шелкнул пальцами. Все-таки руки – это зеркало человека, смотри на руки, всегда увидишь, когда человек врет. На Макса уставились удивленные Лебедев и Костян, даже Сашик поднял голову.

Он помахал рукой – ничего, ничего, задумался просто.

– Надо было с ним разобраться, – сказал он медленно. Хаммер открыл рот. – Ладно, еще встретимся.

Челюсти Хаммера со стуком захлопнулись. Макс похлопал его по плечу – все нормально. Зато теперь понятно, кому был выгоден тот налет. Бедный Бухгалтер, попал под раздачу...

Спать. Макс закрыл глаза на одно мгновение, а в следующее его уже трясли за плечо.

– Босс, просыпайся, – над ним склонился Хаммер. – Ты уже полчаса дрыхнешь.

Макс мучительно потянулся, зевнул.

– А где Убер?

– Фашист твой, что ли? – Хаммер мотнул головой в сторону двери шлюза. – Там он. Брякнул, что хочет проверить герму.

– Герму?

Другими словами, Убер хочет проверить, можно ли выбраться наружу через ствол вентшахты. Макс покачал головой. Неугомонный тип.

Дверь скрипнула. Мелькнул луч фонарика – резкий, ослепляющий. Убер вернулся.

– Фигня. Лестница сгнила, висит на соплях. Но можно попробовать. Здесь не так высоко – метров тридцать, может, чуть больше. Короче, если упадешь, лепешка будет небольшая. Не сильно забрызгает.

Хаммер заржал.

– Значит, пойдем, как планировали, – Макс выпрямился. – Оружие вы принесли?

«Мортусы» переглянулись.

– Обижаешь, – сказал Хаммер и вдруг замялся. – Босс!

– Что?

– Такое дело... ну, ты понимаешь... у тебя вроде днюха недавно была...

Ага. Как раз когда он сидел в карцере. Отличный был день рождения наедине с собой.

Макс оглядел обоих «мортусов», вздохнул:

– Давайте уже, колитесь.

– У нас для тебя подарок, босс, – сказал Костян.

– Ага, – согласился Хаммер. – Зацени, что у нас есть! Костян, давай.

Тот кивнул. Достал из тайника еще один сверток, развернул и вытащил куртку. Из коричневой потертой кожи, с манжетами. С нашивкой в виде крылышек на груди.

Вот черт, подумал Макс.

Лётная куртка обхватила плечи – привычно и тепло. Как старый надежный друг. Друг, который никогда не предаст. Макс медленно застегнул молнию, выпрямился...

Отлично.

– Хорошо смотришься, босс.

– Оружие?

Костян вручил ему пистолет – «Грач» девять миллиметров с магазином на шестнадцать патронов. Хорошая штука, хотя и тяжеловат. Макс оттянул затвор, убедился, что патрон в стволе. Поставил пистолет на предохранитель и сунул за ремень сзади. Теперь все зашибись.

Молодцы стояли и улыбались, сволочи.

– Ну как, босс?

– В самый раз, – Макс кивнул. – Спасибо, пацаны.

– Ну, ничего себе, – голос скинхеда. Убер подошел к Максиму – выше его почти на голову.

Макс ждал продолжения.

Убер некоторое время разглядывал его, словно видел впервые.

– То есть, ты и есть – крутой перец? – наконец поинтересовался скинхед. – Я тебя по-другому представлял.

Макс поднял брови. Что?

– Ты – Лётчик? – спросил Убер напрямую.

Макс помедлил. Вынул из внутреннего кармана жестяную коробку, открыл, выбрал самокрутку. Сунул ее в рот. Теперь – зажигалка. Щелк! Пшш. Макс втянул в себя теплый дым. Хорошо. Он выдохнул, протянул портсигар скинхеду – угощайся.

Тот продолжал смотреть на Макса, не мигая. Светлые глаза.

– Да, я Лётчик, – сказал Макс негромко. От первой затяжки после долгого воздержания закружилась голова. Настоящий табак-самосад. Мощный, как атомная бомба. Кайф. Такое

ощущение, что внутри головы медленно распускаются два крошечных ядерных грибка. – А что?

– Знаешь, брат. Мне нравится твоя куртка, – Убер покачал головой. – Я уже лет сто в «бомберах» не ходил, но куртка отличная.

– Куртка? При чем тут куртка?

– Просто она мне нравится, – Скинхед поднял взгляд, окатив Макса холодным голубым светом. – А вот ты в ней – не очень. Что-то в тебе изменилось, брат. Я пока ни фигя не понимаю, что именно... но явно не к лучшему.

Напряжение повисло в воздухе.

– Врезать ему, босс? – спросил Хаммер. Убер с интересом посмотрел на него, на пистолет в его руке и хмыкнул. В глазах скинхеда загорелся недобрый огонек.

– Надорвешься, – сказал Макс. – И вообще мы все здесь друзья. Я понятно выражаюсь? Хаммер?

Хаммер нехотя кивнул.

– Убер?

Скинхед ухмыльнулся.

– Почему нет, брат?

– Вот то-то, – Макс выпрямился. – Пора двигать отсюда.

* * *

Дрезину пришлось оставить. Любой патруль опознает в ней дрезину мортусов, а это равно смертному приговору.

Пошли пешком.

Лучи фонарей колебались, выхватывали из черноты то кусок рельсы, то ржавые скобы, то обрывки проводов, обросших мхом. Иногда Макс казалось, что он что-то видит. Нечто мелькает там, в глубине тоннеля. Но это был обман зрения. Звуки шагов казались необычайно громкими...

Шорох камней под подошвами.

Кряхтение профессора Лебедева. Сосредоточенное сопение Сашика. Свистящее дыхание Хаммера.

Интересно, что только Убера Макс не слышал. Совсем. Скинхед двигался абсолютно бесшумно. Хотя был и самым рослым, и самым больным...

Макса тронули за плечо. Он вздрогнул.

– Там что-то есть, – сказал Убер негромко.

– Где?

– Впереди. Какая-то фигня, брат.

Даже если там и была какая-то фигня, Макс ее не видел и не слышал.

– Знаешь?

– Не совсем... чувствую.

Макс чуть не выругался. Чувствует он! Впрочем, береженого бог бережет... даже если этот бог – идиот.

– Хаммер, проверь.

– Эй, там! – сделал шаг вперед Хаммер, поднял пистолет. – Чего надо?

Тишина. Темнота молчала.

Макс махнул рукой – можно идти дальше... как тут случилось.

Вспышка! Грохот выстрела. Пуля взвизгнула над головами, ушла куда-то вдаль по тоннелю. Искры.

Полуослепшие, беглецы бросились на землю, залегли между рельсов, пытаясь стать меньше. Хаммер выстрелил в ответ – наугад. В ушах зазвенело.

– Вырубай фонари! – приказал Макс шепотом. – Выру...

Один фонарь погас. Второй продолжал светить, пуля щелкнула рядом с ним, разбросав осколки. Макс невольно вздрогнул – ему оцарапало щеку. Выстрел. Еще одна пуля щелкнула рядом, с визгом улетела дальше. Фонарь лежал в полуметре от Макса, но протянуть руку и выключить – нет, лучше в другой раз.

Он отполз назад.

– Нас обложили! – зашептал Хаммер ему на ухо. – Суки! Суки! Я живым не дамся!

Макс поморщился, дернул плечом.

– Перестань истерить, Хаммер. Если бы нас хотели пристрелить, они бы уже это сделали. Хаммер замолчал.

– А чего они? – сказал он с обидой в голосе. Макс даже не нашелся, что ответить. Действительно, чего они? Стреляют еще!

– Тихо, – приказал Макс шепотом. – Заткнулись.

Они лежали в полной темноте на рельсах и ждали. Тишина. Макс чувствовал сырой запах тоннеля, слышал дыхание товарищей. В звенящей гулкой темноте оно казалось чудовищно громким. Больше выстрелов не было.

– Назад, – приказал он шепотом. – Отползаем. Цигель, цигель, ай лю лю. По моей команде стреляем и уходим. Раз, два... три! Огонь!

Макс выстрелил, перекатился влево. Еще раз... Рядом выстрелил Хаммер. Все, хватит. Сейчас будем отступать...

– Эй вы, придурки! – донесся глухой голос. – Я знаю, что вы там. Сдавайтесь!

Беглецы переглянулись.

– А если мы не хотим?! – крикнул в ответ Убер.

Озадаченное молчание.

– Тогда идите на х... гмм. В смысле, шлите сюда парламентаря! – там решили, наконец, сложную проблему. – Будем разговаривать... если не врете.

«Если не врете». Идиотизм какой-то.

– Отползаем, отползаем, – шепотом велел Макс. – Медленно и красиво.

В подавленном состоянии они вернулись в ВШ-300. Попадали без сил. Никто не разговаривал. Свет карбидной лампы уже не казался уютным. Он казался... затравленным, грязным и болезненным. Их прижали. Выход в сторону Московской перекрыт. Обратного на Звездную нельзя. Идти по поверхности – лестница сгнила, к тому же банально не хватит оружия. Даже Уберу нечего дать.

Сунуться же безоружным на поверхность – чистое безумие. Там и вооруженных до зубов сталкеров, бывает, съедают вместе с броней и боеприпасами...

...А патроны, наверное, так забавно хрустят на зубах латуни.

Макс быстро встал, прошелся по комнате. Замер, чувствуя себя зверем в загоне. Тоже мне, Лётчик. Тоже мне, вожак Нарвы...

Что делать? Что делать?

Что, червь сожри, мне теперь делать?!

Бог-идиот, помоги мне. Макс закрыл глаза, беззвучно позвал. Помоги мне... помоги нам... помоги мне...

– Конечно! – Убер проснулся. – Как я сразу не сообразил. Слушай, брат, тут вот какая фигня. Я видел на одной старой карте. Эх, черт, придется по памяти... Короче, тут на самом деле не два тоннеля от Звезды до Московской. А на один больше...

– Чего?

Убер вскочил на ноги.

– Стопудово! На самом деле здесь есть третий тоннель. Заброшенный. До Катастрофы он считался тупиком, потому что там примерно до половины – разобраны рельсы. Сейчас им, думаю, мало кто пользуется, тут же в основном на дрезинах ездят. Короче, нам надо идти обратно в сторону Звездной, а потом свернуть. Где-то должна быть сбойка. Я уверен.

– Уверен он! – Макс хотел поворчать, но вдруг понял, что это вариант. Именно. Вернуться обратно. «И нарваться на погоню? Впрочем, если нас еще не догнали – возможно, погони вообще нет? Может, мы погибли при пожаре, а наши тела забрали мортусы... Хороший вариант».

Черт, вспомнил он. А фонарь-то был Скоблин. Тот, что остался на блокпосту.

Так что никаких иллюзий. Они знают, что мы живы.

Макс поднялся. Проверил, на месте ли пистолет (на месте), махнул рукой.

– Все, двигаем в другую сторону. Быстрее. Профессор, Сашик! Живо! Что, мне вас пинками гнать?! Бегом!

* * *

И все равно они не успели. Макс понял это слишком поздно.

Вспыхнул свет.

Беглецы, прикрывая глаза руками, повалились на землю. Убер негромко выругался.

– Эй, вы! Там, в тоннеле! – раздался усиленный металлом голос. – Высылайте человека, будем говорить.

Макс едва не расхохотался. Нарочно не придумаешь. Стоило им шарахнуть в другую сторону – и здесь тоже предлагают вести переговоры. День дипломатии, явно.

Возвращаемся.

Снова чертова ВШ. Трехсотая, родная. Со сгнившей лестницей наверх.

– Что будем делать, босс? – Хаммер поковырял в ухе, сплюнул. Вытер пальцы о куртку. Убер насмешливо окинул его взглядом:

– Вот за что я тебя ценю, так это за непринужденность в обществе.

– Че-е?

– Может, стоит пойти им навстречу? – предложил Лебедев.

– Только что ходили... – Макс качнул головой.

Профессор откашлялся.

– Я имею в виду: в переносном смысле. Согласиться на переговоры и узнать, что они предложат.

– А, вы про это. Нечего с ними говорить, – Убер повернулся к Максусу: – Брат, не стоит. Лучше я лестницу проверю.

Макс поднялся. Всегда можно найти выход. Люди – твари, нет сомнений, но даже с тварями можно поискать варианты. А вот на поверхности твари обычно малоразговорчивы...

Скинхед посмотрел на него, глаза его в полутьме мерцали. Убер медленно кивнул:

– Ладно. Я понял. Оружие оставь, брат. Эй, дайте ему что-нибудь белое!

– Вот эта фигня подойдет? – спросил Хаммер.

– Чего?

Хаммер протянул Максусу белый шарф из белой текучей материи. Макс с удивлением узнал в этом собственный парадный шарф. Интересные дела. Откуда он у Хаммера?

– Шелк, – сказал Убер. – Даже не верится. Скорее всего синтетический, хотя хрен его знает... может, и настоящий. Знаешь, друг, я бы на твоём месте завел себе костюмчик из шелка.

– Это почему? – насторожился Хаммер. Убер насмешливо оглядел «летуна», фыркнул.

– А чтоб вши не заводились. Они почему-то шелк не переносят.

Пока Хаммер переваривал сказанное, Убер повернулся к Максусу:

– Ладно, брат. Извини. Ты переговори, а я попробую пока разобраться с выходом на поверхность. Запасной вариант нам бы точно не помешал.

Макс помедлил и кивнул.

* * *

– Ведите себя прилично, Убер! – профессор внезапно перешел на фальцет: – Что это вообще за собачья кличка? Как ваше человеческое имя, позвольте узнать?!

Убер посмотрел на него. На физиономии скинхеда появилось странное выражение.

– Дурак вы все-таки, профессор, хоть и умный. Ни хрена вы в людях не понимаете.

– А вы... ты... – профессор даже не сразу нашелся, что ответить: – Вы – фашист!

Пауза. Скинхед заржал. Звук гулко раскатился по тоннелю. Убер тут же зажал себе рот ладонью, но остановиться не мог. Сидел и подергивался, как в припадке.

– Это вы зря, проф, – сказал Убер, вытирая слезы. – Впрочем, я сейчас не в настроении объяснять разницу между красным скином вроде меня и наци-скинами. Хотя нет, сейчас я уже усталый и сдержанный... Да. А вот до этого бывали досадные происшествия. С теми, кто называл меня «фашистом». Ну, что-нибудь еще скажете, проф?

Профессор молчал. Сашик вновь начал подвывать, глядя на Убера. Тот сплюнул и отошел.

– Интересно, как там босс? – Хаммер почесал голову, грязные волосы блестели в полутьме.

Убер вздохнул.

– Да, мне тоже интересно.

Шаги Макса давно стихли вдаль. На панели управления остался лежать пистолет «Грач», выложенный Максом. Холодный блеск металла.

Убер посмотрел на пистолет, зачем-то потрогал лоб и начал насвистывать...

* * *

Макс опустил белый шарф – знак перемирия. В лицо ему перестали светить фонарем – Макс зажмурился, заморгал. Глаза слезились.

Его обыскали, провели к темной фигуре. Невысокий человек шагнул навстречу, протянул руку.

– Рад вас снова видеть, Максим Александрович, – сказал человек.

Макс узнал его скорее по голосу.

– Директор?

– Что делать! – Директор засмеялся. – Виновен. Все приходится решать самому.

Резь в глазах постепенно проходила. В окружении повелителя Звездной Макс увидел несколько знакомых лиц. В основном воспитатели и охранники. И еще один тип – его даже человеком назвать можно было с трудом. Хунта. Огромный «нянечка» смотрел на Макса сверху вниз.

– Чем вы его кормите? – спросил Макс.

Хунта хмыкнул.

– Я сам ем. Разных придурков, вроде тебя.

– Ага, я так и понял. И даже знаю, с какого места начинаешь.

– Ну-ну, не надо обижать друг друга, – Директор был в хорошем настроении. – Все-таки мы старые друзья, верно?

– Не сомневаюсь, – сказал Макс.

Хунта ослабился. Вонючая бездонная пасть. Макс опять вспомнил зверя за стеклянной стеной. Смерил «нянечку» взглядом. Здоровый, как ни крути...

Зато долго будет падать. И больно ударится.

– К делу. Вам лучше сдать, – сказал Директор. – Как думаете?

Макс очнулся.

– Зачем мне это? – он пожал плечами. – Я уже почти на свободе.

– Насколько понимаю, именно «почти» здесь ключевое слово, – Директор улыбнулся. – Вы что, всерьез думаете, что мы вас просто отпустим? Да будет свет! – он махнул рукой.

Макс повернул голову и чертыхнулся.

Он едва успел прикрыть глаза ладонью. Блин! Все равно глаза обожгло, выступили слезы. В тоннеле вспыхнул прожектор. Волна света прокатилась по тубингам, вычищая добела, делая беззащитными...

Насколько понимал Макс, у «нянечек» мог быть и пулемет. Впрочем, достаточно и пары автоматов. В тоннеле беглецы будут как на ладони. Прав был Убер, надо было уходить по поверхности...

Да что уж теперь.

– Тогда зачем это фарс с переговорами?

Директор растянул тонкие губы.

– Возможно, вы знаете что-то, чего не знаю я. Вы слишком уверены в себе, Максим. Это интригует.

Макс помолчал. Похоже, скрывать больше не имеет смысла.

– Вам о чем-нибудь говорит эта куртка, Директор?

Директор некоторое время с недоумением разглядывал Макса. Потом заметил на его груди нашивку с крылышками. Лицо его на мгновение дрогнуло.

– Это то, что я...

– Верно, Директор. Это летная куртка, – сказал Макс. – Я с Нарвской. Обычно меня называют Лётчиком.

– Это понятно, – начал было Директор, но Макс перебил:

– Вы не поняли. Лётчик – это мое имя.

Пауза. Лицо Директора вытянулось...

Директор справился с шоком на удивление быстро.

– Значит, вы – тот самый, – глава Звездной посмотрел на него с интересом. – Знаменитый глава «летунов». А вы легендарная личность, Максим, вы знаете? Чертовщина, я прямо не ожидал. Дайте мне минуту... я должен подумать. Впрочем, я уже решил.

– Что именно?

Теперь на лице Директора было написано сочувствие.

– Мне придется вас расстрелять, Максим. Очень жаль. Приятно было познакомиться.

– Что?! – такого Макс не ожидал. – Но... почему?

– А зачем вы мне?

– Не понял.

Директор изогнул тонкие губы в улыбке.

– Если я заберу вас обратно, то получу всего лишь еще одного воспитуемого. Который, к тому же, будет всячески подрывать дисциплину. Так зачем мне такой, простите за прямоту, гемморой?

– Мда, – сказал Макс. – Незадача. И что будем делать?

Вынести бы тебе мозги, подумал он. Жаль, что я не сделал этого тогда, в кабинете...

– Впрочем, есть один вариант, – Директор поднял указательный палец. – Да-да, это вполне возможно.

– И какой же?

– Помочь вам.

Макс решил, что ослышался.

– Даже так?

– Это лучше всего. Убив вас, я получаю только труп. А помогая вам, вступаю в дипломатические отношения с главой целой станции.

Это меняло дело. Даже больше, чем меняло.

– На Нарве сейчас другой глава, – напомнил Макс.

– Временно, все временно, – Директор покачал головой. – Я в вас верю, господин Лётчик, – он поднял взгляд, редкие волосы упали на выпуклый лоб. – Поэтому предлагаю помощь и поддержку от имени Звездной. Я совершенно серьезен. Когда вы захватите власть...

– Кхм.

– Простите, – исправился Директор. – Когда вы восстановите на Нарвской справедливость и демократию, у вас будет на одного друга больше. И, смею надеяться, у меня тоже. Что скажете? Дать вам время подумать?

Пауза.

– Это возможно, – медленно сказал Макс. – Ваши условия?

– Это мы еще обсудим. Что до остальных, – Директор помедлил, провел пальцем по верхней губе. – Они... как бы это сказать поделикатней... Они живы?

Макс наклонил голову к плечу.

– Что?

Директора это не смутило.

– Понимаете... Только не обижайтесь, господин Лётчик. Я слышал, вы любите убивать людей.

Макс сжал зубы. Не твое собачье дело, подумал он в раздражении.

Перед глазами опять встали пленные кировцы. Приставляешь пистолет к затылку, жмешь на спуск... Банг! Банг!

Брызги крови. Медленно валяющиеся тела. Катящаяся гильза.

Банг!

Макс выпрямился.

– Если они это заслужили.

– Конечно, конечно, – вокруг глаз Директора собрались морщинки. – Но вы не думали, что они могли бы понести наказание... по-другому? Мы понимаем друг друга?

Макс переступил с ноги на ногу. Потом понял: конечно, пленные кировцы...

– Вам нужны работники?

– Кто мне точно не нужен, так это трупы, – Директор улыбнулся. – Трупы обычно плохо копают. Так мы договорились?

Макс поднял голову, посмотрел туда, откуда бил беспощадный свет прожектора. А в любой момент могла ударить очередь.

– Пожалуй, – сказал он. – Что-то еще?

– Всего одно маленькое условие...

Макс помолчал. Кажется, сейчас будет заключен договор с дьяволом.

– Слушаю вас, господин Директор.

* * *

– Смех без причины – признак дурач... хорошей травы, – сказал Хаммер. Засмеялся – мелко и пронзительно. Из глубины ВШ ответило гулкое эхо. Макс покачал головой. Придурок. Поговаривали, что Хаммер сидит на грибах – тех самых, с Дыбенко.

– Спите? – Макс огляделся. Профессор Лебедев, Костя смотрели на него с тревогой. Даже Сашик перестал возиться в грязи.

– Чем закончилось? – спросил профессор.

Макс невольно вздрогнул, хотя и был готов к этому вопросу.

– Все отлично, – сказал он. – Нам дают уйти.

Профессор расцвел на глазах. Поверил. Макс почувствовал тошноту. Люди верят, потому что – хотят верить. А единственный человек, который может его расколоть... кстати!

– А где Убер?

– Вашему другу стало плохо, – пояснил Лебедев. Лучевая, сообразил Макс. Новый приступ, ага.

– Отлично, – усилием воли он заставил себя улыбнуться. – Так даже лучше.

Профессор захлопал глазами.

– О... отлично? – он даже привстал. – Что это значит?

Макс не ответил. В первый момент ему показалось, что пистолета на месте нет... но он был. Прекрасно. Макс медленно поднял «Грач» (пистолет казался тяжелым, как свинцовая плита). Повернулся и направил пистолет на Лебедева.

– Мне очень жаль, профессор. Поднимите руки, пожалуйста.

Профессор заморгал.

– Максим, вы шутите?

– Руки поднять, я сказал! – Макса накрыла волна ярости.

Профессора и Сашика взяли тепленькими. Впрочем, какое тут сопротивление? – Макс поморщился. Старик и калека. К сожалению, с Убером вряд ли будет все так просто.

– Зачем вы это делаете, Максим? – спросил профессор, вытирая кровь с губ.

Макс пожал плечами.

– Какая вам разница?

– Я считал вас хорошим человеком.

– Вы ошибались, – жестко сказал Макс. – Ничего-то вы в людях не понимаете. Хаммер, займись ими, будь добр.

Пленников спеленали, бросили на пол, как мешки с породой. Макс почувствовал запоздалую злость – и ненависть к себе, к Директору, к тому, что приходится делать. Вспышка. Он взял себя в руки. Держаться, проклятый ублюдок, еще не все сделано...

Макс повернул голову. На него смотрел Сашик, дурачок – в круглых бессмысленных глазах застыл испуг. Застигнутый врасплох, Макс неловко улыбнулся...

Сашик вдруг завыл. Громко и противно, как умел только он. Хаммер тут же ударил дурачка по затылку. Раз! Вой прекратился.

– Дебила тоже отдадим? – Хаммер почесал стволом «макарова» за ухом.

– А что, у тебя проснулись к нему отеческие чувства?

– Ну... нет. Не знаю. Жалко его, что ли.

Макс поднял руку. Тихо вы! Если Убер услышал вой Сашика и сообразил, что происходит, он постарается уйти.

Или нет?

«Ни хрена вы в людях не понимаете, профессор». А что понимает сам Убер?

А что понимаю я? – Макс не знал.

– Посади их там, в тени, – велел Хаммеру. «Мортус» показал ладонью по горлу – мол, порешим? Макс дернул щекой. Жестами показал: придурок, не вздумай. В следующий момент он услышал глухое негромкое «кха, ккха». Убер.

– Он возвращается, – понял Макс. – Хаммер, Костян... по местам!

Едва слышный звук шагов.

– А вы говорили, что он разбирается в людях... – сказал Лебедев.

Видимо, в глазах Макса что-то мелькнуло. Профессор отвернулся, замолчал.

– Убер возвращается не потому, что не понимает людей, – сказал Макс медленно. В груди болело. – Он возвращается потому, что слишком хорошо их понимает.

Макс проверил, чтобы до пистолета было легко дотянуться. Прикрыл его курткой.

– Хаммер, встань за дверью. Костян, приготовься.

Ждать пришлось недолго. Скрипнула ржавыми петлями дверь.

Убер шагнул из тамбура, выпрямился. При своем росте и крепком сложении – двигался он очень мягко и быстро. Даже изрядно отошав на коммунистических харчах, скинхед оставался опасным.

Макс шагнул ему навстречу, широко улыбнулся.

– Брат, есть дело. Забыл, какая у тебя группа крови?

Скинхед вздернул брови, но тут же сообразил, что попался. И даже успел вскинуть руку, защищаясь... Быстрая реакция, черт. В следующий момент Хаммер шагнул из-за двери и сильным ударом свалил Убера с ног.

– Лежать, сука! – заорал Хаммер.

На скинхеда наставили стволы.

– Поднимите его, – приказал Макс.

«Поплывшего» от удара скинхеда вздернули на колени.

– Тяжелый, блин, – Хаммер почесал бровь стволом пистолета. – А по виду не скажешь.

– Идите, – сказал Макс. – Этих возьмите с собой. Пусть побудут в тоннеле.

– Но, босс... – начал Хаммер.

– Валите, я сказал!

Остались один на один. Макс приставил «макаров» к бритому затылку скинхеда. Большим пальцем взвел курок. Чик!

– Не дергайся, – велел он Уберу.

Макс помедлил. Раньше он бы просто нажал на спусковой крючок... Нажимаешь, пистолет делает «банг» – и тело валится вперед. Очень просто. «Почему я медлю? – подумал Макс. – Неужели становлюсь сентиментальным?»

Нельзя размякать. Люди – падальщики, стая павловских собак, они сожрут тебя, если заметят, что ты дал слабинку.

Нельзя быть добрым в недобром мире.

Макс посмотрел на изуродованный шрамами затылок скинхеда. Стоит спустить курок, и пуля, пройдя сквозь кости черепа, развернется в свинцовый цветок и вынесет Уберу половину лица. И никаких голубых глаз, никакой насмешливой ухмылки не останется... только кровь и мозги.

Коктейль «кровавая Мэри» по-тоннельному.

– Убер, слышишь меня?

– Да, брат, – ответил тот, не оборачиваясь.

– Я сейчас выстрелю.

– О, – произнес Убер без всякой интонации.

– Что ты на это скажешь?

Убер подумал.

– Ни в чем себе не отказывай.

«Вот упрямый сукин сын!»

Макс прищурился, положил палец на спусковой крючок.

– А если серьезно? Назови мне причину, Убер. Одну-единственную. Почему мне не убить тебя?

Пауза. Макс почувствовал, что палец на спусковом крючке стал мокрым.

Убер хмыкнул, повернул голову:

– Очень просто. Пока тебя не было, я вынул из пистолета патроны.

* * *

В жизни каждого случаются моменты, когда он хочет все бросить и заорать «да пошли вы!».

Самое время. Да пошли вы, подумал Макс. Металл под пальцами – угловатый и холодный. Пластиковая накладка рукояти больно упирается в ладонь.

«Грач» разряжен?

Спокойно, приказал себе Макс. Думай. Ты всегда умел это делать. Пистолет действительно кажется слишком легким... но вдруг это блеф? Не стоит недооценивать Убера.

Макс плавно отступил на два шага. Потом произнес:

– Если бы ты это сделал, то вряд ли бы мне сказал, верно?

Молчание.

– Догадливый, – сказал Убер. И начал поворачиваться...

Макс вскинул пистолет, целясь в бритоголовую фигуру, и нажал на спуск. Металлический щелчок... Ничего! Совсем ничего.

А должно было разнести шкуру упрямую голову.

«Убер понимает в людях слишком хорошо».

– Что, брат, осечка? – Убер встал на ноги.

Макс, отступая, оттянул свободной рукой затвор... Патрона в стволе не было. Черт!

– Не это потерял?

Убер раскрыл ладонь. Оттуда высыпались металлические цилиндрики, со стуком раскатились по бетонному полу. Блеск металла.

Твою ж мать.

– Сюрприз! – сказал Убер и прыгнул. В следующий момент в голове Макса вспыхнул свет, в челюсти словно разорвалась граната. Лётчика повело, комната накренилась. Свет единственного фонаря вдруг поехал в сторону и в бок. Хороший удар. «Грач» вывалился из ладони... упал куда-то вниз, под ноги...

Макс дернул головой и устоял. Его вообще было трудно вырубить – даже такому опытному бойцу, как Убер.

Он упрямо мотнул головой и принял стойку. Блокировал локтем следующий удар, еще. Тупая боль в предплечьях. И сам перешел в контратаку. Работал на коротких прямых. Раз, два, три. Раз, два. Бей! Руки у Убера длиннее, поэтому надо быть ближе. Зато Макс здоровый и выносливый. И он меньше ростом при таком же весе. Бей!

Красный туман перед глазами.

Они остановились, чтобы перевести дыхание.

– Сдавайся, Лётчик, – сказал Убер хрипло. – Слышишь?

– Пошел ты.

– Сам пошел.

Прямо как мальчишки.

– Что теперь? – спросил Макс глухо.

– Теперь мы поговорим.

– Не выйдет, – Макс попытался улыбнуться, челюсть зверски болела. – Плевать я хотел на тебя и твои разговоры. Фашист хренов. Мозги бы тебе выбить к чертовой матери!

Макс сделал шаг назад. Под ботинком оказался патрон, нога подернулась – едва не упал.

– Попробуй, – предложил Убер. – Или тебе для этого нужен пистолет?

Они одновременно посмотрели в ту сторону, где лежал «Грач».

– Что, брат, хороший вопрос? – Убер усмехнулся. Макс кивнул и ударил его ногой в колено – скинхед охнул. Нечестный прием, но эффективный.

В следующий момент Макс нырнул вниз, перекатился по полу, схватил пистолет. Раз! В пальцах уже был зажат патрон. Макс оттянул затвор – два! Вставить патрон в патронник. Черт, туго пошло... Три! Он отпустил затвор: клац! Четыре. Теперь можно стрелять. Макс мгновенно вскинул руку и прицелился в скинхеда.

– Убер, все кончено.

Тот оскалится, начал подниматься с колен... Пистолет смотрел ему прямо в широкий открытый лоб. Да, что б тебя, подумал Макс в сердцах.

– Убер, не надо. Убер?

Голубые глаза скинхеда горели.

Медленно и неумолимо, как огромный железный истукан, он встал и пошел на Макса.

– Сукин сын, я же тебя пристрелю... придурок чертов, остановись!

Бесполезно.

– Ты знаешь, с кем связался? – с интересом спросил Убер. – Ты, сука, не знаешь, с кем связался.

Макс сделал шаг назад, но – поздно.

Черт! Убер ударил его по руке, грохнул выстрел. Пуля ударила в потолок комнаты, взвизгнула, ушла в темноту. Труба воздуховода над головой загудела от попадания. От вспышки все вокруг замерцало, в ушах звон...

– Ты со скинами связался, понял?!

Пистолет вылетел. Звяк. Макс ударил правой, целя в челюсть Убера, но нарвался на жесткий блок. Руку Макса дернули вперед, он потерял равновесие...

В следующий момент Убер взял его на удушающий прием. Зараза! Макс рванулся. В глазах потемнело, мерцающий мир вокруг стремительно отдалился и начал заваливаться набок. Макс ударил по рукам Убера. Раз, другой – бесполезно. Не руки, железные канаты. Боль. Воздуха! Воздуха! Возду...

Темный провал.

В следующий момент он вдруг понял, что хватка на горле ослабла. Что за...

Воздух.

Макс судорожно вдохнул, закашлялся. И снова схватился за горло – теперь уже сам. Боль такая, словно глотаешь раскаленный металл. Чернота перед глазами пульсировала.

«Почему он меня отпустил?» – подумал Макс. Видеть толком он пока не мог.

Уберфюрер схватился за голову и заорал.

Спасибо богу-идиоту, подумал Макс. Очень вовремя.

В этот момент в дверь ворвались наконец проснувшиеся Хаммер с Костяном...

* * *

Убер снова закричал – хрипло, в надрыв. Схватился за голову. Вены страшно выступили на висках и на горле...

Зашелся в мучительном кашле. Урод.

Макс выпрямился. Облизнул губы. Они напоминали разбухшие от крови мешки. Лицо горело так, словно содрали кожу. Вот сукин сын, этот Убер. Всю рожу разбил.

Костян с Хаммером оглядывались, озадаченные.

Еще бы в следующем году появились. Тут их любимого Лётчика всюю бьют, а они прохлаждаются... Макс охнул, скривился. Челюсть просто раскалывается на части, даже в затылке отдается.

– Босс, ты в порядке? – Хаммер помог ему встать прямо.

– Кхх... Да.

– А с ним что?

С Убером было плохо. Скинхед попытался встать на четвереньки, но не смог.

– Пистолет! – приказал Макс.

– А твой где? – удивился Хаммер.

– Блин, не спорь и дай мне этот хуев пистолет.

Хаммер помедлил и передал ему «макаров». Прохладный, увесистый. Макс приложил пистолет к челюсти – и чуть не застонал от наслаждения. Да, так лучше. Определенно лучше. Холод металла успокаивал.

Макс присел на корточки перед скинхедом. Пол-лица онемело.

– Зачем ты вернулся, Убер? Ты же знал, что будет?

Тот с трудом сфокусировал взгляд на Максе. Белки красные, бровь рассечена.

– До... догадывался.

– Ну и зачем тогда?

Молчание. Убер вдруг улыбнулся. Через силу.

– А вдруг бы я ошибся? – светлые глаза скинхеда смотрели на Макса. – Знаешь, как иногда хочется ошибиться?

Трепещущий свет карбидки, глухой гул тоннелей...

– Знаю, – сказал Макс.

* * *

– Я слышал, вы там, у себя на Нарве поклоняетесь Сталину, – сказал Убер. – Слышь, ты, кривой нос! Это правда?

Хаммер задумался, повернулся к скинхеду.

– Ну... правда. И че?

– Сталин – отстой, – сказал Убер отдельно.

Хаммер с размаху ударил его ботинком в живот – скинхед согнулся. Хаммер выхватил «Грач»...

– Нет! – приказал Макс. – Он тебя провоцирует.

Убер засмеялся. С трудом сел и прислонился спиной к стене. Откинул голову. Из рассеченной брови по лицу текла кровь.

– Выглядишь, как дерьмо ручной сборки, – Макс присел на корточки, заглянул ему в лицо. – Зачем ты это делаешь, Убер?

– Революция.

– Что?

Убер закашлялся, сплюнул кровью.

– Я говорю: всему миру нужна революция. Возможно, это единственный выход для нас. Для всего нашего чертового подземного сука рая точка ру.

– Да-а, – протянул Макс. – Хорошо тебя по башке стукнули.

Разбитые губы скинхеда изогнулись в усмешке.

– В точку, брат. А Сталин все-таки отстой.

Хаммер зарычал.

– Не обижай чужих богов, Убер... – посоветовал Макс. – Иначе они могут обидеть тебя в ответ... Пошлют какого-нибудь ангела мщения или кто у них там есть. Чего ты все время ржешь, придурок?!

– Я вспомнил, как меня однажды называли «ангелом». И что случилось дальше.

– Дальше? – Макс вздернул подбородок. – И что же?

Убер внезапно перестал смеяться. Мертвые голубые глаза смотрели на Лётчика.

– Я их всех убил.

* * *

– А ты вообще мелкий тиран, Лётчик. Классический такой, из античной истории. Я ведь знаю, что этот ваш Сталин на Нарвской – это просто-напросто божок, чтобы держать население в узде. Опиум для народа, верно, брат?

Скажи честно. Тебе ведь на фиг не нужна никакая революция, Лётчик? Ты просто готов брать прутик и сшибать те колосья, что чуть выше других.

– О чем ты? – устало спросил Макс. Он когда-нибудь вообще затыкается?

– Была такая притча, брат. Приехал один греческий тиран в гости к другому – для обмена опытом. И спрашивает: как мне удержать власть? Чтобы меня, значит, собственные подданные не скинули. Другой тиран, что поопытней, вывел его в поле. Потом молча взял прутик и начал сшибать самые высокие колоски. Те, что возвышались над общей серой массой. Аналогия понятна?

– Еще бы. Тебе лучше?

Убер запрокинул голову и хрипло расхохотался.

– Я что-то очень смешное сказал?

– Нет. Просто представил, как ты щупаешь мне лоб, мол, нет ли температуры, поишь чаем. Вот скажи, брат. Какого черта ты со мной возишься? Это что, иудин поцелуй? Так он как-то чересчур затянулся. Нет?

Хаммер взвесил в ладонях «Грач», посмотрел на Макса.

– Завалить его, босс?

– Хаммер, пошел вон, – устало сказал Макс. – Давай. Давай, иди прогуляйся. Убер, слышишь меня? Как ты?

Мучительный кашель.

– Тебе... хмм, какую версию? Матерную или простую?

Макс секунду подумал.

– Короткую.

Скинхед усмехнулся.

– Фигово, брат.

* * *

Хаммер переступил с ноги на ногу.

– Чего тебе? – Макс поднял голову.

– Босс, а чего мы ждем? Отдадим их по-быстрому и свалим.

Убер за его спиной хмыкнул. Хаммер резко повернулся, насупленно замолчал.

– А ты не понял, что ли? – Убер издевался. – Он время тянет. Чтобы там не думали, что он суетится. Верно, брат? Эх, носатый, ничего ты в диктаторах не понимаешь.

– Сам ты носатый, – огрызнулся Хаммер. Непроизвольным движением взялся за сломанный когда-то нос. – Босс, чего он говорит...

– Убер прав. Я тяну время.

– Э... – Хаммер даже растерялся, – а зачем?

Макс посмотрел на него, неприятно улыбнулся:

– Не твое дело. Поверь.

* * *

– Сколько времени?

Часы были только у Хаммера – крупные, с железным заржавленным браслетом.

– Пять сорок две.

– Ага, – сказал Макс. Значит, еще немного поболтаем.

Убер перевернулся на спину.

– Меня тут на свадьбу пригласили, представляешь? Так что извини, брат, но я обратно к «солнышкам» никак не могу. Не сейчас, брат. Некогда мне здесь задерживаться.

– Как ты вообще на Звезде оказался? – спросил Макс. – Ты же не местный.

– А они мне жизнь спасли. Точнее, не они сами, а диггеры ихние.

– Кто?

– Ну, эти... как их? Сталкеры. Все время забываю, что у вас, внизу, диггеры не по-людски называются. Короче. Меня на поверхности одна зверушка так отделала, что я думал, костей не соберу. Вломила – мало не покажется. О, черт. Вспомнил. Я ведь с тобой на свадьбу опоздаю!

Пауза. Макс почесал затылок. Посмотрел на связанного и избитого Убера – места живого нет.

– А когда свадьба?

Убер лежа пожал плечами.

– Если бы знать, брат. Если бы знать... Про Ваську слышать чего?

Макс поморгал. Васька... Василеостровская – это же другой конец метро? Далеко.

– Хаммер? – спросил он.

– Не знаю. Там свет, говорят, появился. Может, врут.

– Свет, – протянул Убер, лицо просветлело. – Свет – это хорошо. А про Мемова что слышно?

– Про Генерала-то? Ты где был? – Макс покачал головой. – Это даже я знаю. Убили его. На Ваське как раз и убили. Какой-то зверь с поверхности пробрался, ну и... в общем, сейчас в Альянсе другой чудила главный.

– Иван? – Убер оживился.

– Нет вроде... не помню, как зовут. Но новый точно.

– Почему люди так хотят жить? – спросил Убер в пространство. – А, брат?

Макс хмыкнул.

– А ты?

– Что я?

– Ты хочешь жить, Убер?

Скинхед ухмыльнулся.

– Я верю в бусидо.

– Что за хрень? – слово было знакомое. Кажется, он где-то его уже слышал. Но где?

– Кодекс идиотского самурая. Каждый день будь готов к смерти. Как будто ты уже умер, а твой труп изуродовали и закопали. Короче. Пусть страх смерти не влияет на твои решения. И все такое. Вот ты – лётчик, ты должен это знать.

Макс поднял брови.

– Какой на фиг лётчик, Убер, о чем ты? Я учился в Выборге, в вертолетном училище. Механик-ремонтник по специальности. Никакой я на фиг не пилот, веришь? А это... – Макс показал на форму, – это хорошая вещь. У меня еще синяя форма есть. С золотом и погонами. Настоящий комплект пилота первого класса. Очень помогает с имиджем.

– Понимаю, брат, понимаю... А хорошо лежим, а?

Макс поднялся с колен, отряхнулся. Хорошо, летной куртке сносу нет, а то бы в последней драке ее точно порвали. Свет карбидки казался траурным.

– Сколько сейчас времени? – спросил он у Хаммера.

– Шесть тридцать, босс.

Макс кивнул.

– Все, хватит отдыхать. Выводим их.

* * *

Лучи фонарей осветили пути с ржавыми рельсами. Дрезина стояла тут по-прежнему – как свидетель их преступления. Интересно, где настоящие мортусы?

Сашик заартачился. Максу это было знакомо – обычные капризы, профессор бы справился без труда. Утренние процедуры.

«Подержите Сашика, пожалуйста».

– Ты, зараза, – Хаммер потер ладонь. – Дебил чертов!

Сашик вцепился ему в руку.

– Он меня укусил! – завопил Хаммер. – Ай, зараза... пальцы... ааа! – он замахнулся и отвесил Сашика затрещину. Бум! Белобрысая голова мотнулась. Сашик завыл.

– Хаммер, перестаньте! – это профессор.

Сашик неловко вывернулся из рук Хаммера – и вдруг побежал. Неожиданно красиво. Легко. Свободно. Он бежал в глубь тоннеля, руки связаны за спиной...

Хаммер бросился за ним, споткнулся. С руганью вскочил и вскинул пистолет.

– Не стреляй! – крикнул Макс, но опоздал. БАХ.

Выстрел. Тугая вспышка разорвала темноту...

В первый момент показалось, что Хаммер промахнулся. Сашик продолжал бежать. Свободный, красивый. Скоро он скроется в темноте, ищи его потом. И вдруг его траектория начала отклоняться от прямой... сильнее, сильнее... вот он уже бежит, виляя... заваливается, спотыкается... Что сейчас будет? – подумал Макс.

Сашик упал.

И остался лежать. Молчание. Макс повернулся к Хаммеру:

– Зачем?

Тот выглядел растерянным. Почесал затылок.

– Я думал, не попаду.

Профессор разом опустился на землю, словно из него вынули все кости. Очки на носу сидели криво.

– Я... – сказал он. – Я... как же так? Мальчик мой. Где же справедливость?! Где? Где?! Где, я спрашиваю?! – страшно закричал Лебедев и вдруг разрыдался.

* * *

– Эй, кривой! – Убер встал. – Ты зачем убил Форреста Гампа?!

– Чего?

Удар головой в лицо – хруст. Оглушенный, Хаммер упал на колени, кровь хлынула из носа. Закапала на бетон с небритого подбородка. Кап, кап, кап. Хаммер замотал головой, капли разлетались в стороны. Глаза бессмысленные.

Почти нокаут.

Кажется, Хаммеру снова сломали нос.

– Убер! – позвал Макс.

Убер вскинул голову. Руки связаны за спиной. Скинхед насмешливо оскалился, пошел на Макса.

Красавец, блин. Похож на огромную кошку.

Сейчас мы разберемся, кто тут хищник... Макс прыгнул вперед – быстрый, сильный, ловкий. Тело слушалось, как часы. Левой кулаком – в солнечное. Правой – хук по ребрам. На третьем ударе Убер упал.

Еще добавить... ногой!

Убера мотнуло, он застонал, перекатился по полу. Выплюнул кровь, уцелевшие зубы были окрашены красным. Скинхед сжался в пружину, подтянул ноги к груди. С усилием начал подниматься...

– Встать, солдат! – хрипло приказал он себе. – Раз, два. Мы идем по Африке... Раз, два...

– Лучше не надо, – предупредил Макс. – Убер, хватит... Да что ж такое!

– Ты знаешь, с кем связался?! Ты, сука, со скинами... Раз, два...

Макс врезал ему так, что нога занемела – несмотря на тяжелый ботинок. Бум. Что-то хрустнуло. Возможно, он сломал скину пару ребер. Тело Убера безвольно распласталось на бетонном полу.

Пауза. Макс думал, что теперь скинхед точно успокоится.

Любого другого это бы точно успокоило...

Но не этого бритоголового шута.

Тишина.

– Это всего лишь боль, – сказал Убер хрипло. Начал подниматься. Лицо белое. В следующий момент очухавшийся Хаммер пнул его ботинком в бок. Ударил еще раз. Помутнение.

Хаммер остервенело пинал бывшего узника.

– Хва... хватит, – прохрипел Макс. – Оставь его. Слышишь?! Хватит!

Вошел Костян. Невозмутимо оглядел место побоища.

– Босс, там опять этот... в белом халате. Тебя спрашивает.

Макс кивнул.

Шарф. Он намотал шарф на горло, чтобы скрыть следы пальцев. Голова болела просто чудовищно.

Что ж. Пришло время переговорить с Директором.

* * *

– Привет, Хунта, – голос как из бочки. Хриплый и скрипучий.

– Что у вас с голосом? – Директор смотрел с интересом.

– Какая разница? К делу, Директор. – Макс повернулся всем телом. Он старался не двигать шеей, больно. – Хаммер, давай!

Профессора со связанными за спиной руками поставили перед «нянечками» Звездной. Макс наблюдал, как беглеца ведут к дрезине, усаживают на корточки. Профессор выглядел бледным и подавленным, всхлипывал. Недолго он там протянет – без помощи Макса. И без заботы о Сашике.

У меня полно своих дел, напомнил себе Лётчик. Легче не стало. Наоборот – какая-то фигня уперлась под горло, чуть не стошнило.

Он шагнул вперед.

– Следующим скинхед.

Макс невольно вспомнил, как поднимался Убер, как горели его глаза... Неумолимый, жестокий ангел отмщения. Он никогда не сдастся.

– На вашем месте я бы ему даже лопату в руки не давал.

Директор усмехнулся: юмор, мол. Понимаю, понимаю.

– Я не шучу, – сухо сказал Макс. Директор удивленно вздернул брови.

– Вы что, серьезно?

– Абсолютно.

– Он всего лишь бандит...

– Ошибаетесь, господин Директор. Это я – всего лишь бандит. А Убер – нечто совсем другое. Впрочем, забудьте, – Макс вдруг понял, что ему наскучил разговор с этим самоуверенным болваном. Который делает вид, что все понимает – и все равно ничего не поймет. – Теперь он – ваша проблема, не моя. Кстати... Директор? Можете ответить мне на один вопрос?

Тот поднял брови.

– Да?

– Вот вы специалист, наверное, десятки книг перечитали. – Макс помедлил. – Как начинаются революции?

Директор наморщил лоб.

– Что?

– Я вполне серьезно спрашиваю. Мне интересно.

– Гмм, ну там все классически: низы не хотят, верхи не могут. Вы про это?

Макс покачал головой.

– Не совсем. Впрочем, ерунда. Счастливо оставаться, господин Директор, – он повернулся и пошел. Все было кончено. Верно, Лётчик?! Кажется, ты уже предал всех, кого мог...

И вдруг он услышал слова, от которых ему пришлось остановиться:

– Не так быстро, дорогой господин Лётчик. Не так быстро.

* * *

– Я свое обещание выполнил, – напомнил Макс.

Директор покачал головой.

– Не все так просто, дорогой друг. Вы покалечили двух моих людей, господин Лётчик. У одного сломана челюсть, другой потерял глаз. Вам не кажется, что это стоит отдельного разговора?

– Но...

– И я даже не буду спрашивать, где находятся мортусы, – перебил Директор. – Не ваши «мортусы». Настоящие.

Макс помедлил. Вот о какой ставке пошла речь.

– С ними все в порядке. Сидят себе под замком...

– Они мертвы?

Светлые глаза Директора уставились на бывшего узника.

– Да, – сказал Макс. Нет смысла врать, когда и так все ясно.

– Вы уверены?

Макс тяжело вздохнул. «Нет, Хаммер вежливо попросил мортусов отдать одежду, оружие и дрезину. И они вежливо согласились. Бред».

– Куда уж больше.

– Хорошо, – сказал Директор. Макс поперхнулся. – Это очень хорошо. Дело упрощается. Значит, мне просто нужно взять и назначить виноватых. Так кого мне распять в тоннеле, Максим Александрович? Есть кандидатуры?

Макс сжал зубы, он бессильной ярости скулы свело.

«Знаешь, как иногда хочется ошибиться?»

Макс выдохнул. Быстрым движением выдернул из-за пояса пистолет. Успел увидеть растерянное лицо Директора, расширившиеся глаза Хунты... Профессора, привставшего на дрезине. Хаммера, открывающего рот... Убера...

– Знаю, – сказал Макс и нажал на спуск.

Бах! Пистолет в руке дернулся. Бах! Еще раз. Медленно летящая гильза, в боку отсвечивает вспышка второго выстрела...

Хаммер начал падать.

Макс помедлил.

«Потом тиран взял прутик и начал сшибать самые высокие колоски. Аналогия понятна?»

Совершенно понятна.

– Вот ваш убийца, Директор. Мы в расчете? – голос был ровный и совершенно спокойный. Макс сам удивился.

– Это же был ваш человек? – Директор выглядел ошеломленным.

– Верно, это был мой человек. Теперь вы понимаете, насколько серьезно я настроен?

Директор помедлил и кивнул. В глазах его было уважение – и зарождающийся страх.

– Понимаю. Наш договор остается в силе, господин Лётчик. Прошу меня простить.

* * *

Хунта был доволен. На лице это никак не отразилось, зато от «нянечки» пошла мощная волна жестокой радости. Макс поморщился.

– И ты здесь? – обрадовался Убер при виде «нянечки». – Какие люди и без охраны!

Хунта молча врезал ему дубинкой под дых – н-на. Скинхед рухнул на колени, согнулся. Странные звуки. Когда Убер поднял голову, Макс увидел, что тот смеется. Скалит в окровавленной улыбке оставшиеся зубы.

Вот псих.

Хунта равнодушно кивнул и взмахнул дубинкой...

– Дайте ему сказать! – приказал Макс. «Нянечки» и санитары послушались – скорее от неожиданности. Ярость. Макс с усилием снял руку с пистолета. Спокойно, спокойно.

Убер ухмыльнулся.

– Ты так ничего и не понял, Макс? Революция – это неизбежность. В этом суть.

– Забирайте его, – велел Директор.

Хунта вместе с другим «нянечкой» вздернули скинхеда под локти, поволокли к дрезине – как мешок. Ноги Убера волочились по земле, подпрыгивали. От них оставалась полоса в серой пыли.

– Удачи, брат, – сказал Макс про себя. Но скинхед будто услышал.

– Прибереги свои тридцать сребреников! – крикнул Убер и засмеялся. – Я еще вернусь, Лётчик!

Когда его утащили, Директор посмотрел на Макса.

– Знаете, Максим. То, что он сказал... Не берите в голову. Понимаете, мы все здесь за революцию. Но у всех у нас революция разная.

Две недели спустя. Станция Нарвская

Поспать ему не удалось. Здесь никогда не удавалось выспаться... Потому что если не сможешь заснуть, то и выспаться –дохлый номер. Все очень просто. Один плюс один равняется двум.

Лётчик открыл глаза. Некоторое время полежал, глядя в темный потолок...

Где-то вдалеке капала вода. Кап. Кап.

Лётчик встал, подошел к раковине и сплюнул – густым и желтым. От горечи свело челюсти. Макс повел головой. Спина совершенно мокрая от пота, пальцы дрожат...

Кап. Кап.

«Твою же мать».

Бессонница. Никогда не знал, что это такое, а тут – на тебе. И уже который день.

Он выглянул за дверь. Платформа станции была пуста, лишь у дальней груды мешков с песком переминался с ноги на ногу часовой. Нарва спала. Лётчик выпрямился. В этот раз подземный бог-идиот забрал его сон. И, кажется, пока не собирался возвращать. Ур-род. Рядом с дверью клевал носом Костян.

– Босс, – выпрямился телохранитель. – Случилось что?

– Все нормально.

Тоска такая, что хоть вой.

Лётчик вернулся к столу, плеснул спирта. Поднял стакан – граненый, чуть треснувший, – и выпил залпом. В желудке вспыхнул огонь.

И вдруг Макс понял, что именно ему послышалось в полудреме. Что это за звук. Гррр. Гррр. Кирка. Обычная рабочая кирка, которой вырубает кварцевый слой. Таких пород вокруг Звездной было до фига и больше. Пласты крушили отбойными молотками, а если компрессор не работал, то обычными ломками...

На шум появился телохранитель – Костян. Зевнул. С тех пор как Макс триумфально вернулся на Нарвскую, Костя везде был с ним. Трудно тиранам в наше время, подумал Макс саркастически. Везде им мерещатся враги...

Грррр. Крррр. Макс вздрогнул, резко повернулся. На одно мгновение ему показалось, что в глубине комнаты застыла высокая фигура с бритой головой...

В комнате было пусто.

– Костян, ко мне! – приказал он. Телохранитель оказался рядом через мгновение, пистолет – в руке.

– Босс?

– Что это за звук? – Макс огляделся.

Телохранитель задрал голову, повел стволом пистолета вправо, влево. Видно было, что он пытается услышать – но пока не понимает, что именно.

– Какой звук?

– Словно киркой кто-то стучит... или скребет, или еще что, хрен знает. Ты слышал?

Костян почесал затылок. Постарался прислушаться.

– Н-нет, босс. Не слышал.

Макс оглядел преданного телохранителя с ног до головы и кивнул. Все с тобой ясно.

– Иди.

– Босс?

– Все нормально, Костя. Иди, работай.

Когда шаги телохранителя стихли, Макс налил себе еще выпить и закурил. Легкие наполнились теплом.

«Революция – это неизбежность». Убер.

Он сплюнул, сигарета горчила и воняла. Никакого удовольствия. А что, если Убер однажды придет за ним? Вот будет встреча.

«Прибереги свои тридцать сребреников!»

Он с силой вмял сигарету в стену. Что ж, Убер. Будь на твоём месте кто другой, я бы принял эти слова просто как слова. Но ты...

Ты никогда не сдашься.

Так что, боюсь, мы еще встретимся.

Где-то вдалеке насмешливо молчал подземный бог-идиот.

Синяя ветка, «Красный путь», штрафной тупик

Человек с выбритой головой в шрамах, полулежа бьет киркой. Иногда куски породы отваливаются. Чаще – нет. На ногах человека – кандалы.

Света здесь почти нет, единственная карбидная лампа горит неровно. Крошечный язычок пламени бьется у закопченного отражателя. Тень на стене искривляется, дергает руками.

Человек на стене вдруг замирает и начинает бормотать:

– Откуда ты такой взялся, Убер? Убер? Убер! Не был бы таким упрямым, давно оказался бы на свободе. Слышишь, Убер?

Он не отвечал. Ему надо беречь силы. Призраки подождут.

Гррр, гррры, грррр. Кирка скребет породу – судя по звуку, он опять наткнулся на кварц. Или это железобетон? Хрен его знает.

Он никогда не сдается.

Убер закашлялся, в груди словно что-то рвалось, сплюнул – темный сгусток. Наплевать. Жить вечно все равно нельзя. Так что загнуться от лучевой болезни – не самый плохой вариант. Те ребята, что вытащили его с поверхности, вкололи ему обычную противорадиационную фигню – не пожалели, за что им спасибо. А ведь Блокадник его почти добил...

Сейчас бы красного вина. Для вывода радионуклидов, конечно. Убер усмехнулся потрескавшимися губами – больно. Лучше всего грузинского «Киндзмараули». Сто лет не пил его. А оно, блин, вкусное. Убер поднял кирку. Такое вкусное, что даже сейчас, спустя много лет, у него кружится голова от одного только воспоминания...

Он облизал губы. «Киндзмараули» бы сейчас... или воды.

И женщину. Просто, чтобы посидела рядом. Чтобы положила его больную голову на свои мягкие колени...

Чтобы он дремал, чувствуя затылком ее тепло.

И больше ничего не надо в целом свете.

– Она скучает возле стойки, – запел он негромко. Голоса почти нет, одно хрипение и клеткот. Но для блюза самое то. – В фартуке, с салфеточкой...¹

Наконец-то у него настоящий блюзовый вокал. И все из-за этих уродов.

– Придет мой друг Иван! – закричал он вдруг. – И всех вас на хрен поубивает, сукины дети!

Убер проснулся. Вокруг была темень, лампа почти погасла. Он подтянул к себе кирку, с трудом поднял...

– Как конфетка. Что ты здесь забыла, деточка?

Кирка ударяет в камень. Звяканье кандалов.

– Свежа на удивление... – еще удар. – От тифелек до бу-ус...

Он перевел дыхание.

– Как приглашение, – он закашлялся, сплюнул, – на о-очень странный блюз...

¹ Tom Waits «*Invention to the Blues*», вольный перевод Данилы Сергеева.

Интерлюдия 1

Убер и Таран

Перегон Звездная-Московская, два месяца спустя

Никогда не откапывайте незнакомцев.

Убер усмехнулся. Боль в груди все не отпускала, в горле саднило... Скинхед сглотнул. Никогда, значит? Хорошая шутка. А то откопаете одного такого, а он возьмет и вытащит вас с каторги. Без предупреждения. Без долгов. Без обещаний. Просто так. Даром.

Сейчас они распрощались, чтобы пойти каждый своей дорогой. Путь незнакомца, которого охранник на блокпосту Звезды назвал «Тараном», вел к некоей серьезной цели. Путь красного скинхеда Уберфюрера традиционно вел к смерти. Убер откашлялся, незаметно от товарища сплюнул в сторону. Привкус железа во рту. Опять кровь.

«Из двух дорог всегда выбирай ту, что ведет к смерти».

Долбаное бусидо долбаного самурая. А что делать, если сейчас все пути ведут к смерти? Убер хмыкнул, выпрямился, шагнул раз и другой...

В последний момент незнакомец окликнул его:

– Постой, холера! Как звать-то тебя?

Убер повернул голову, против воли усмехнулся. «Холерой» его никто еще не называл. Обычно обходились традиционным «геморроем».

– Андрей, – сказал он. Поднял руку, прощаясь. – Аста съемпре, команданте. До вечности, брат.

Когда шаги спасителя стихли в глубине тоннеля, Убер остановился. Рухнул прямо на ржавые рельсы. Перед Тараном он держал марку, но на самом деле ноги его едва слушались. В забое отвыкаешь ходить далеко. И вообще – многое отвыкаешь.

Скинхед почесал затылок.

– Что теперь делать-то? – спросил он вслух. – Этому-то хорошо, вытащил тебя с каторги и свободен. А ты тут разбирайся... живи.

Убер покачал головой, выдохнул. Воздух свободы отдавал сыростью. Сидеть было хорошо, но... не совсем. Скинхед подумал и улегся между рельсов на спину. Вытянул ноги – хорошо. Сил вообще нет. Затылок приятно холодило, над Убером простирался в обе стороны бетонный потолок. Полупрозрачная, уютная тьма вокруг. В самый раз для призраков. Скинхед подумал и сказал тоннелю:

– Выпить бы... – помедлил и добавил: – На радостях.

Почему-то большая радость изнуряет сильнее большого горя.

Тоннель молчал.

Станция Звездная, кабинет Начальника «Красного пути», вечер следующего дня

– Может, сообщить ему? – предложил старший надсмотрщик Хунта. Официально в иерархии Звездной он пока не поднялся выше среднего командного состава, но считался доверенным человеком Директора. А это многое значит. Гораздо больше, чем любое звание. Перед здоровенным уродливым надсмотрщиком уже начали заискивать.

Хунта знал, многие считают его туповатым – из-за внешности. Низкий лоб, толстые надбровные дуги, широкий нос, уродливые уши, сломанные когда-то на занятиях борьбой. Действительно, он больше походил на обезьяну, чем на советника вождя. Но это и хорошо. Такая иллюзия здорово облегчает жизнь. Пусть недоброжелатели до последнего момента думают, что

он тупица. Он, тупица и уродливая обезьяна, переживет всех умников. И постоит у похоронной дрезины, когда мортусы будут упаковывать этих красавцев в погребальные саваны...

– Так сообщить?

Директор задумчиво покачал головой.

– Не будем торопить события. Как это случилось?

Побег каторжника – всегда ЧП. Но этот каторжник – особый случай. Четвертая попытка побега! Его заковывали в цепи, его били, морили голодом, его загнали в дальний тупик, где и разогнуться толком нельзя, в одиночку, чтобы не смутил умы остальных... А он все равно сбежал. Фантастика и только. Если бы не личная просьба важного человека, этого возмутителя спокойствия пристрелили бы еще в прошлый раз... Во избежание последствий. Нет, с такими, как он, привычные методы воспитания не работают. Таких только уничтожать.

Хунта почесал затылок. Неторопливо роняя слова, заговорил:

– Его вывел этот чокнутый сталкер, Таран. Воспользовался мандатом, который подписали все станции Большого Метро. Нагло и цинично Таран обманул охрану, практически запугал, если быть точным. И вывел трудновоспитуемого за границу станции.

Директор помолчал. Задумчиво повертел в пальцах кружку с чаем. В ладони шло тепло.

– Думаешь, он знал, кого вытаскивает? – спросил наконец.

Хунта поразмыслил и пожал плечами.

– Вряд ли. Больше похоже на случайную встречу.

– Ты уверен?

– Не до конца. Но зачем кому-то больной скинхед?

– Больной скинхед и – личный враг нашего главного союзника. Интересное совпадение.

– Лётчик... сообщить ему?

Директор встал и подошел к декоративному окну. Недавно сталкеры подарили эту штуку Директору, нашли на поверхности в каком-то закрытом помещении. Практически не фонит. Личный подарок «Грека» Феофанова. Очень похоже на настоящее окно. Дверь в лето. Если напрячь воображение, можно представить, что там, во внешнем мире, по-прежнему светит солнце, плещется лазурное теплое море, зелень, трава, все люди живы, нет никакой радиации, никаких мутантов. Словно и не случилось двадцать лет назад Катастрофы...

– Нет. Пока подождем, – решил Директор. – Говоришь, у него лучевая? Ты пей чаек, пей.

Он, наконец, повернул голову к надсмотрщику. Хунта мгновенно насторожился. Глаза Директора были чересчур ласковые. Звериное чутье надсмотрщика подсказывало, что это неспроста.

– Хороший чай? – поинтересовался Директор. – Нравится?

– Да.

«Подавился ты своим дурацким чаем», – в сердцах подумал Хунта. Он терпеть не мог эту сладкую бурду.

– Прекрасно. Теперь с Убером. Ты лично проверишь, была это случайность или нет, друг мой. Завтра отправишься в Большое Метро. Понял? Найди бритоголового. И – прими самые необходимые меры.

Хунта покрутил в лапищах кружку, поставил на стол. Он всегда нутром чуял, когда можно оспаривать решение начальства, а когда лучше ответить «так точно, сделаем». Сейчас был как раз второй случай.

– Так точно. Сделаем, – сказал Хунта.

II Убер и война

Глава 1 Дьявол

Разрушенный атомным огнем Питер. Каменные львы на набережной, выщербленные морды уставились в никуда. Надвигающаяся гроза. Черно-серые облака клубятся на горизонте, над низкой гладью Залива. Серая гладь Невы рябит под ветром. С заброшенного Дворцового моста срываются капли. Рыжая коряга медленно проплывает под ним. Ветер гонит мелкую, противную волну. Коряга плывет, над ней нависают ржавые балки и ребра жесткости. Круглые отверстия в них. Рыжая пыль-краска-накипь.

Коряга плывет.

Справа – зеленоватое здание, словно выцветшее от времени. Маленькая башенка наверху. Это Кунсткамера. Окна выбиты, но есть и парочка целых. Уцелевшие стекла заросли грязью. Холодно. Холодно.

Воеет ветер.

Набережная Васильевского острова.

Человек в противогазе идет, преодолевая сопротивление ветра. По дороге вдоль набережной, справа от него заброшенные мертвые дома, слева – серая полоса Невы. Ветер треплет старый брезентовый плащ в белесых пятнах (краска? кислота?). Противогаз древний, с резиновой мордой и с зеленым, в армейской краске, облупившимся фильтром. Круглые окуляры в латунной окантовке, один треснул. На серой резине наклейки – детские, цветные. Ньюша, Микки-Маус, Лунтик, какой-то кролик, смешная машина с глазами. Одна из наклеек – почему-то от бананов. Ярко-зеленая.

Человек-банан продолжает идти.

Клубятся черные тучи, гигантский грозовой фронт наступает на Петербург со стороны Залива.

Кажется, там, откуда идет шторм, больше нет ничего.

Ни земли, ни неба.

Только бездонная чернота.

Провал в космическое пространство.

Санкт-Петербург, станция Владимирская, 8 часов до часа X

Тип, которого местные прозвали Дьяволом, лежал на голом бетоне, подложив под голову жилистые руки.

Над ним витал осязаемый почти физически дух дешевого алкоголя.

Герда пригляделась. А он ничего, этот дьявол. Если отмыть. Побрить. Отстирать. Подкормить. Прилас... стоп!

Герда покачала головой. Вечно ты подбираешь увечных, сказала она себе. Поставила на пол тяжелую медицинскую сумку, мысленно перебрала медикаменты. Похоже, придется зашивать рану на затылке. Герда вздохнула. А у нее даже спирта нет.

Дьявол продолжал спать. Голова, похоже, недавно выбритая, была в потеках засохшей грязи. Правильные черты лица. Если бы не шрамы, человека можно было бы назвать красивым. Хотя скорее, интересное лицо, такое – яростно-ироничное. Слишком много человек передумал и перечувствовал, чтобы быть просто красивым. Слишком многих друзей похоронил.

Высокий. Хотя лежа скорее – длинный. Худой до такой степени, что выступают ребра. При этом талия тонкая, а плечи широкие.

И двигается, наверное, судя по тому, как он сейчас лежал, скорее как хищная кошка, чем как человек. Пластичная грация на мягких лапах. С когтями внутри.

Из одежды – одни древние джинсы, закатанные настолько высоко, что почти превратились в шорты.

Крепкие лодыжки, босые ступни. Пятки черные, как мрак преисподней.

Стоп, хватит пялиться, – одернула себя Герда. Она же Гердышева Антонина Сергеевна, приехавшая из Воронежа со школьной экскурсией поглядеть на далекий град Петра. Антонина покачала головой. Поглядела, как же! Двадцать минут на вокзале, пятнадцать в метро... А потом, когда они шумной толпой поднимались на бесконечном, как сериал «Игра престолов», эскалаторе, все остановилось. И экскурсия в Питер и тот же эскалатор.

Звучащий металлом и жутью голос из громкоговорителей велел не паниковать и спускаться вниз, на платформу. В метро.

Так она и не увидела ни Петропавловки, ни Исаакия, ни даже Зимнего дворца. Про Петергоф вообще промолчим... навсегда.

Ей снова представилось, что она стоит на бастионе Петропавловки и видит, как вдалеке расцветают огненные цветы. Оранжевое отражение в воде Невы медленно растет и загорается ярким, невыносимо ярким светом. И все осветилось, как днем.

Герда моргнула. Видение исчезло, но осталось чувство обреченности, как тогда, в первые дни... Она была в метро, под толщей камня и бетона, земли и щебня, асфальта и кирпича. И все равно видела, как умирает Земля.

Хорошо, что у парня (откуда он приехал? Из Твери, кажется) был с собой косячок. Сладковатый дым, успокаивающие сказки. Если бы не это, Герда уверена, она сошла бы с ума. Тогда многие сходили.

В тот момент мы еще не знали, что снова будем жить... Она поискала нужное слово... «Нормально?». О-очень смешно.

Герда нагнулась, тронула «дьявола» за плечо.

– Эй, ты! – плечо было твердое, словно камень. – Слышишь меня?

Ноль внимания. На плече татуировка: серп и молот, окруженные венком из лавра. Интересно, что это значит? Что-то советское. Или римское?

Чтобы ни значило, сейчас это не имеет значения. А вот шрамы вокруг... по всему телу. Это интереснее.

Герда выпрямилась.

– Что он натворил?

Шериф усмехнулся. Так, что все лицо пошло морщинами. Красно-багровый, в прожилках, нос алкоголика стал выглядеть еще уродливее. В принципе, Василий Михайлович был неплохой человек. Но в обычный день, заглянув в участок, легко можно было перепутать, кто тут представитель закона, а кто преступник и нарушитель. В помещении стоял устойчивый, назойливый аромат перегара, затертой блевотины и старых носков.

Герда поморщилась. Последнее воспоминание было совершенно излишним.

– Так что?

Пожатие плеч.

– Устроил драку. Или не он, не знаю... Но дрался, как бешеный. Еле повязали, представляешь? Думали уже, стрелять придется. Но патронов пожалели.

– Ясно.

«Людей мы не жалеем, а вот патроны...»

– И ты понимаешь, какое дело... – протянул шериф.

– Какое?

Шериф помолчал, почесал в затылке.

– Не знаю, как объяснить. Он какой-то стукнутый на голову. Другой получит в репу и бери его тепленьким. А этот... встает и встает. Рокки Бальбоа, блин. Итальянский жеребец. Уронить его не сложно – он пьяный до изнеможения, пальцем тронь... Но его роняешь, роняешь, а он опять поднимается. До смешного уже. А когда мы его, наконец, повязали, давай орать – идите на фиг, я ангел господень. Нет, ты представляешь? Весь в крови и говнище, а туда же... в ангелы.

На этих словах веки человека затрепетали. С видимым усилием он разомкнул один глаз – в ореоле запекшейся крови. Затем другой. Герда с удивлением отметила, что глаза эти – голубые, ясные, совсем не похожи на глаза алкоголика. Удивительно.

Но то, что он сказал дальше, было еще удивительнее:

– Господь, ты, наконец, вспомнил обо мне?

«Сектант», – подумала Герда с досадой. Всего лишь фанатик, а я уж было решила... Эх, Герда. Хватит жить в сказках.

– Ага, – сказал шериф саркастически. – Тебя, блин, забудешь.

Что делать, если ничего не исправишь? Делать то, что можешь. Герда раскрыла сумку. Все-таки надо обработать раны... этому. Мозги ему не подлечишь, а вот тело – вполне возможно.

– Ты кто такой? Имя? Прозвище? Откуда взялся?

Человек поднял голову, затем сел. Бритый затылок в синяках, царапинах, уродливых шрамах и запекшейся крови. Человек словно не заметил вопроса.

Шериф переступил с ноги на ногу. Ему явно хотелось врезать «ангелу» для профилактики. Если бы Герды здесь не было, скорее всего, он так бы и поступил.

– Эй, ты. Слышишь меня?

Человек закашлялся. Заколотил себя в грудь ладонью. Оттуда отозвалось. Глухо и страшно, словно внутри человека что-то сломалось и починить нет никакой возможности. Словно там, в огромной грудной клетке, беспорядочно перекатываются шестерни и валики, вылетевшие с правильных, нужных мест.

– Эй! – повторил шериф. Волосы у Герды на затылке вдруг зашевелились. – Эй!

Человек перевел взгляд на девушку...

В первый момент Герде показалось, что на нее смотрит сама Вечность. Даже голова закружилась. Обрыв в животе, словно падаешь с высоты, с оборвавшихся гнилых ступеней в вентиляционной шахте. И лететь еще метров сто – на ржавые прутья арматуры.

Ярко-голубые глаза.

Лицо у него было замечательное – с какой-то точки зрения. Лицо архангела Гавриила, искаженное тысячами вынужденной жизни на земле, среди людей, убийств и несчастий.

– К-какого черта? – сказал «дьявол» хрипло. – Совсем офонарели, подъема же еще не было.

– Офонарели? – переспросила Герда тихо.

– Подъема? – брови шерифа поползли вверх.

Дьявол нахмурился.

– Группа «Солнышко»... вы чего? Забыли?

Шериф с Гердой переглянулись. «Белая горячка» – одними губами сказала девушка. Шериф кивнул. Кого-кого, а людей с таким диагнозом он видел регулярно... Иногда, прости господи, даже в зеркале.

– Тебя, вообще, как зовут? – сказал он.

– Чего?

Шериф поморщился.

– Имя твое как, придурок?

– Придурок? – повторил «дьявол». Голубые глаза взглянули на шерифа беспомощно. «Дьявол» мотнул головой, словно поддатый. – Придурок? К-кто придурок?

Шериф засмеялся:

– Смотри-ка, понимает... да уж точно не я.

– А ты кто? – «дьявол» повернулся к шерифу, наморщил лоб. Василий Михайлович отстранился.

– Я? – он положил руку на потертую кобуру с «макаровым». – Я шериф.

– Шериф? А! – бродяга оживился. – Проблемы индейцев шерифа не волнуют, – сказал он. И снова, как пьяный, повел головой. Бредит?

Шериф сделал шаг и затряс его за плечо. Так, что голова бедняги задергалась.

– Слышь ты... индеец! Отвечай! Ты откуда взялся?!

«Индеец» вскинул голову и бессмысленно заморгал. Взгляд его голубых глаз стал пугающе глубоким и чистым. Словно у младенца. Шериф обзвизлся:

– Щас как влеплю промеж глаз, сразу разговоришься!

Герда мягко отстранила шерифа.

– Перестаньте, Василь Михалыч. Ради бога. Он, скорее всего, в посттравматическом шоке. Он даже не понимает, что говорит. А вы... индеец, индеец... тоже мне, какой из него индеец?

Словно по сигналу, бродяга вскочил. Шериф отлетел на несколько шагов, споткнулся о медицинскую сумку, но удержал равновесие. Герда, которую он, отступая, зацепил локтем, шлепнулась на пятую точку, зашипела от боли.

– Чингачгук Великий Змей! – торжественно завопил «индеец». Герда поморщилась: от его голоса звенело в ушах. – Последний из могикан! Я с тобой, Соколиный Глаз!

Горделиво сделал два шага и рухнул плашмя, лицом вниз. Бум.

Шериф с Гердой переглянулись, затем начали смеяться. У Герды выступили на глазах слезы. Наконец, шериф протянул руку. Девушка с трудом встала, почесала ушибленный копчик.

– Ну, что будем делать с этим... – она подавила смешок. – Чингачгуком?

Шериф подошел и пнул тело, оно вздрогнуло. Герда взяла себя в руки. Шериф неплохой человек в сущности, но иногда его заносит.

– Вот что, Василь Михалыч... Вы его пока где-нибудь заприте, хорошо? Только бить больше не надо. Я вас прошу. Слышите?

Шериф почесал затылок, прищурился, глядя на девушку:

– Точно не надо?

– Василий Михалыч!

Шериф улыбнулся.

– Да шучу я, шучу. Будет целеньким твой индеец и... хмм... здоро... – он поперхнулся, помедлил, затем закончил: – Таким, какой сейчас есть, таким и останется. Вообще, Герда, ты опять за свое? Все бы тебе помойных котов спасать. Вот ты ему раны залечишь, шерсть от дерьма отмоешь, а дальше что? А?

Герда промолчала. В словах шерифа было больше правды, чем она готова была признать.

– Разговор закончен.

– Унесите... это. – Шериф брезгливо отряхнул руки. Помощник кивнул. – Совсем пить разучились, сволочи!

* * *

– Шеф, тут какая-то бодяга происходит, – позвал помощник. – Шеф?

Василий Михайлович поморщился. Они с Гердой пили настоящий зеленый чай, заедая настоящими армейскими галетами. Красота и невиданная роскошь. После того, как приморцы организовали на соседней заброшенной Достоевской военную базу, жизнь для владимирцев наступила богатая. Жаль, ненадолго. Шериф нехотя вылез из-за стола, подошел к решетке. Помощник – рыжеватый нескладный парень – посторонился.

– Ну, чего? – сказал шериф и замолчал. Судя по затянувшемуся молчанию, картина его весьма удивила.

– Василий Михалыч, что там?

Нет ответа. Герда подошла тоже – хотя ее как раз никто не звал. Посмотрела и тоже задумалась. Зрелище было... специфическим. И очень странным.

Небольшая камера, служащая на Владимирской местом заключения. Никакой мебели, единственная лампочка под потолком, голый бетонный пол. *Владимирский централ, ветер северный*. В одной стороне – давешний «индеец», в другой – остальные заключенные, человек семь. Когда «индеец» вставал и шел к ним, они по стенкам уходили от него, чтобы снова сгрудиться в другом конце камеры. И все без единого звука. Слово это какая-то молчаливая игра в «пятнашки». И тот, кто попадется или скажет хоть слово, проиграл.

– Василий Михалыч, – сказала Герда шепотом. – Чего они от него шарахаются?

– Сам не знаю, – признался шериф. – Первый раз такое вижу.

«Пятнашки» продолжались. В очередной раз «индеец», пошатываясь, перешел в одну часть камеры, заключенные, растекшись по стенкам, собирались в другой – словно капли ртути, убегающие от магнита.

Наконец, один из заключенных – видимо, обладающий некоторым авторитетом среди остальных отбросов станции – решился. Шагнул вперед...

– Пошел ты! – и попытался ударить «индейца».

Ему это, на удивление, удалось. Герда моргнула.

«Индеец» поднялся на ноги. С удивительной легкостью и грацией – Герда не поверила своим глазам. Человек не может так двигаться. «Индеец» мягко, словно играючи, выпрямился в полный рост. И продолжал стоять, глядя в сторону. Слово никакого удара в помине не было.

– Он что, не в себе? – пробормотал шериф. Заключенные переглянулись.

Дьявол шагнул к ним и заговорил. Герда даже сразу не сообразила, кому принадлежит этот хриловатый насмешливый голос:

– Ну что, индейцы? Как жизнь в резервации? И где, блин, обещанное казино?

Заключенные отступили, словно знали, чем это в итоге закончится.

– Ты... это, – сказал старший. Он внезапно осознал, что остался в гордом одиночестве. – Нарываешься!

Дьявол поморщился. И вдруг ослепительно улыбнулся:

– Я бы сказал: идите к черту. Но... Судя по вашим добродушным внимательным лицам, вы ведь можете и сходить.

Глава 2

Два прожектора

*Санкт-Петербург, перегон Достоевская – Лиговский проспект,
21 минута до часа X*

А вчера зачем-то выдали усиленные пайки.

Комар оглядел консервную банку, повертел в ладонях. Постучал по крышке. Звук глухой, тонуший в тушенке. Хорошо. Внутри – залитое густым белым жиром красноватое мясо, говядина. Мертвая корова, которая погибла под ножом еще до Катастрофы. И ей там хорошо и уютно, в темной жестяной скорлупе, – откуда мы ее сейчас выколушаем.

Комар достал нож, примерился. От предвкушения заныло в животе.

Мертвая корова, подумал он. Там лежит мертвая корова, пам-пам. И щиплет травку.

От этой мысли по затылку пробежал озноб.

– Ну, не тяни, – проворчал глубоким басом напарник, Сашка Фролов. В его габаритах бас терялся, рокотал, отражался от внутренних полостей, словно там, за грудной клеткой, был целый многоквартирный дом. Казалось, голос Фролова исходит от всего его тела, не требуя особого отверстия для выхода, вроде рта, и излучается всей гигантской фигурой часового, всей его кожей – вроде радиации.

Комар замотал головой, пытаясь избавиться от странного ощущения (мертвая корова, пам-пам), поставил острие ножа в край доньшка банки, ударил ладонью. Лезвие с коротким жестяным звуком вошло в металл, увязло. Выступил густой белый сок. Невыносимо запахло мясом. Комар почувствовал, как задергался желудок, и застонал чуть ли не в голос. Корова была забыта. Осталось только одно – еда.

Сейчас, сейчас. Скоро.

– Не тяни, я сказал, – Сашка выдохнул. Нечасто им доставалось такое. На границе с Веганом вообще ничего хорошего ждать не приходится.

Ладно, хоть мяса пожрем. Не все ж помирать. Может, и не будет никакой войны.

«Боже, сделай так, чтобы не было!»

– Не тяни, говорю, – попросил Сашка, и Комар кивнул. Начал резать крышку, продавливая клинком ножа узкую полоску – белая река в жестяных берегах. Крр, крр, кррр. От запаха мясного сока кружилась голова. Громко сглотнул Сашка. В животе у Комара забурлило. Армейская тушенка, жестяная банка с выбитой датой – и все, никаких наклеек. Зато густой слой масла в палец толщиной. Откуда приморцы все это берут?

Крр, крр. Комар вынул нож, быстро вытер лезвие о рукав, положил рядом. Отогнул крышку. Внутри банки, как остров посреди океана белого жира, проглядывали красные волокна мяса.

– Согреть бы, – сказал Комар. Сашка только отмахнулся, протянул руку... Еще чего! «С его-то ловкостью...» Комар бесцеремонно отодвинул руку товарища, достал ложку из сапога, облизал.

– Давай тарелку.

Тушенка. Тушеночка.

Комар с усилием вогнал ложку в банку, в белый жир, красное мясо и повернул. Плюхнул на тарелку Сашки огромный кусок. Фролов довольно крякнул, заворчал, как большое животное. Комар педантично выбрал ровно половину банки, до грамма, до волоконца и переложил на Сашкину тарелку. Помятый жестяной блин. Говорят, несколько раз сталкеры притаскивали одноразовую пластиковую посуду – вот это было бы по-королевски. Комар вздохнул. Белоснежные тарелки, вилки, ложки, стаканчики. Пла-астик. Невероятная роскошь.

А тут, в дозоре, почти нет воды. И свою тарелку каждый вылизывает сам.

Лампа-карбидка тонко шипела, пламя дрожало, желтый свет ложился на лица дозорных, на плечи и оружие. Резкий запах ацетилена. И глубокая, всепоглощающая темнота вокруг. Свет делает тьму только сильнее. Комар поежился, уселся поудобнее, нацелился ложкой. Хотелось не просто поесть, а – растянуть удовольствие.

Сашка зачавкал.

Комар все медлил. Запах тушенки щекотал нос. Приморцы – они расположились отдельно от владимирских, – негромко переговаривались. В последние дни, кроме усиления дозоров, добавилось и солдат. «Кулаки», как называли их местные за нашивки с изображением серого кулака, держались вместе, разговоров избегали. Но все сдержанно, без грубостей. Молчаливые, блин. Засранцы.

Желудок выводил рулады. Комар прислушался, ощущая физическое наслаждение от предвкушения. Сейчас съем кусок – и будет здорово. А дальше – тоже хорошо, но уже не то.

А эти, молчаливые, небось, каждый день так обжираются.

Комар медленно донес ложку до рта, оттягивая момент кайфа. Сашка уже почти разделался со своей порцией. Урчал он, как огромный древний холодильник.

Холодоватый кончик ложки коснулся губ. Еще чуть-чуть. Комар не выдержал. Заглотнул так, что зубы с лязганьем сомкнулись на металле. Мясо оказалось во рту...

И это был взрыв. С цветными фейерверками. Поток бьющего во все стороны наслаждения.

Комар закрыл глаза.

Невероятное ощущение.

Что они туда добавляют? Грибов галлюциногенных?

– Эй! – раздался голос. – Стой, кто идет!

Комар вскинул голову. Тревожно сжалось сердце. Он оглянулся, по-прежнему сжимая ложку в зубах. Тишина. Приморец, который окликнул, некоторое время вглядывался в темноту тоннеля – на голове у него был прибор ночного видения. Но, видимо, так ничего и не заметил, опустил обратно. Очередная ложная тревога, сколько их уже было... Комар пожал плечами и снова вернулся к банке. Тушенка, тушеночка. В банке еще много. Он вытащил ложку изо рта...

И тут это случилось.

Свет карбидки померк. Стал приглушенным. Словно прикрыл глаза ладонью и смотришь сквозь маленькую щелочку. И у него вдруг проявился отчетливый синеватый оттенок. Холодный. Мертвенный.

Свет медленно пульсировал, словно биение чужого безжалостного сердца.

Во рту вдруг прорезался отчетливый металлический привкус. Комар выронил ложку, поднял голову. Он всегда был быстрым. Сашка по сравнению с ним – редкий тормоз, но тут... Комар видел, как приятель застыл, держа ложку у рта, на лице удивление...

Удивление в глазах Сашки Фролова?

Удивление... или страх.

– Что случилось? – Комар осознал, что не хочет поворачивать голову. Не хочет видеть того, что видит сейчас друг...

Сашка Фролов, с которым они вместе прошли путь от голопузых мальцов до взрослых семейных мужиков (хотя Комар уже не совсем семейный), вдруг стал далеким и пугающим.

Сашка молчал, видя что-то, но крик не мог вырваться из его рта. Словно его зашили. Комар смотрел.

Давай, Комар, велел он себе, повернись. Ты сможешь. Раз, два, начал он считать. На счет три...

Три!

Он не повернулся. Затылок занемел, и шея вместе с ним. Точно их залили бетоном.

Комар вдруг понял, что вокруг царит тишина. Мертвая безграничная тишина. То, что раньше было привычным звуковым фоном – дыхание приморцев, сопение Сашки Фролова, кашель, шелест бетонной крошки под подошвами ботинок, трение ткани, звяканье металла автоматов и скрежет ложек, бульканье воды... даже тонкое, едва слышное шипение газа в карбидке, ровный гул горения...

Все это исчезло.

Комар понял, что слышит только нарастающее биение собственного сердца.

Все застыло. «Словно мы уже под водой».

Сашка медленно-медленно раскрыл рот, чтобы что-то сказать ему, Комару, глаза его смотрели на друга в упор... но Комар не понимал. Сашка хотел предупредить, старался изо всех сил, но – до Комара не долетало ни звука.

«Эх, Комар. Эх, Федор, Федор». Он вздрогнул. Давно забытое имя внезапно пришлось кстати.

Он очнулся.

Звуки вернулись. И все закрутилось с бешеной скоростью.

– БЕГИИИИИИ! – кричал Сашка. – Беги, Комар!

Бух-бух-бух, колотилось сердце.

Краем глаза Комар видел, как что-то белесое движется на периферии зрения. Извивается. Автомат был словно за сто метров от него, рука Комара тянулась, но все никак не могла дотянуться...

Затрещали выстрелы. Очередь. Еще очередь. Ударил пулемет, разрывая тишину грохотом. Вспышки пламени. «Печенег» установили здесь совсем недавно, когда обострились отношения с веганцами. Хотя внешне все было «мир-дружба-тушенка», но все знали, что война не за горами. Просто давили в себе это знание. Лучше верить, что войны не будет.

Что войны нет.

Рука Комара натолкнулась на холодный металл. Пальцы сомкнулись вокруг цевья. Комар потянул «калаш» на себя – и вдруг вздрогнул; мороз пробежал по коже. Показалось даже, что автомат покрылся мурашками. От ужаса. Крик был совершенно нечеловеческий...

Кричал Сашка. Сашка упал. Снова поднялся. Наставил свой автомат в темноту...

Комар подтянул «калаш» ближе. Затем рывком поднялся, повернулся.

Сполохи автоматных выстрелов и гулкие выплески пламени из «Печенег». Медленно летящие в воздухе гильзы, в них отражаются вспышки пламени. Дробный раскат металлических гильз по бетонным тубингам...

Это сколько же патронов! – равнодушно удивился Комар. Поднял автомат к плечу, прижался щекой к холодному прикладу. Переводчик огня на одиночные – мы, слава богу, не приморцы...

«Кулаки» стреляли в темноту. Не жалея патронов, словно там было что-то, что никак нельзя было допустить сюда, на двухсотую отметку. На порог Большого Метро.

Комар в последний момент одумался. Снял палец с крючка, опустил автомат.

Какое-то, блин, наваждение. На фига стрелять? В кого?!

Не видно же ничего. Почему они не включили прожектор? Почему?!

Комар вскочил и замахал руками. Закричал, надрывая глотку:

– Фонарь врубай! Фонарь!

Приморцы не слышали.

Раньше на этом рубеже прожекторов не было. Блокпост долгое время числился заброшенным, как, впрочем, и вся Достоевская. А несколько дней назад Комара вызвал Жирдяй, командир самообороны, и приказал занять отметку двести. На вопрос Комара «зачем это нужно», Жирдяй долго ковырял пальцем в ухе – затем внимательно осмотрел добытое и сказал «не твое собачье дело, Комар. Выполняй».

На следующий день, когда Комар с ребятами осторожно освоили отметку, появились приморцы – с «Печенегом», двумя прожекторами-миллионниками и толстым кабелем в экранированной обмотке, который они протянули с Достоевской. Представить трудно, сколько эта байда стоит. А че, Альянс богатые. «Кулаки» поставили фонари, подсоединили кабель. На пробу врубили свет. Комар испугался, что ослепнет к чертовой матери, хотя «миллионники» били в сторону Вегана, а он зажимал глаза ладонью. Когда фонари выключили, перед глазами еще долго плыли яркие, словно выжженные на сетчатке, пятна.

Фонари, подумал Комар. Чертовы «миллионники».

Самое время их включить.

Но приморцы словно обезумели. Палили и палили в глубину тоннеля, наобум. Тоже мне, профессионалы...

Снова чудовищно застучал пулемет. Комар натянул на уши шапку, взятую как раз на такой случай. Но биение выстрелов «Печенега» доставало даже сквозь толстую ткань.

– Фонарь включи! – заорал Комар. – Фонарь!

В грохоте «Печенега» его никто не услышал.

Полуослепший, Комар смотрел в тоннель. Пули калибра 7.62, маленькие снаряды, каждый пятый – трассирующий, уходили в темную бесконечность. И гасли там... или нет?

Перегон «Достоевская – Лиговский проспект» короткий, но извилистый, прозван местными «пьяной трубой». Собран из бетонных тубингов с почти гладкой поверхностью. Там должны быть сотни рикошетов!

А тут... Комару показалось, что пули просто исчезали. Темнота проглатывала их.

Черт, какая ерунда.

Световые пятна перед глазами плыли, мешали. Выстрел, удар по ушам. Один из приморцев встал, держа пистолет в вытянутой руке, высунулся над баррикадой из мешков с песком. Вспышка. Еще вспышка. Белесое метнулось к нему с потолка. Мгновение, и – приморец исчез.

Комар с силой зажмурился, открыл глаза. Заморгал. Блин!

Что это было?!

Взрыв.

В следующее мгновение мир вокруг исчез. Наполнился звоном и болью. Долбануло по ушам так, что на некоторое время Комара вообще перестало что-либо волновать. Он упал на землю, зажмурился до мельтешения цветных пятен перед глазами, снова открыл глаза.

Комар узнал голос Сашки:

– БЕГИИИ, КОМАР! БЕГИИИИ! СПААААсааааааа!

Крик друга перешел в высокий, мучительный визг. Зубы заныли.

И вдруг все кончилось. Мелькнуло белесое на периферии взгляда – и Сашка исчез. Совсем. Только что был человек – и вот его не стало. Пустота.

Черт.

Оглушенный мертвой нечеловеческой тишиной, Комар затряс головой. Уши словно заложило ватой. Он с трудом выпрямился.

Слух, наконец, вернулся, хотя и не полностью. Комар этому не особо обрадовался. Потому что теперь он слышал шаги. Легкие, почти невесомые шаги в звенящей темноте...

Позвоночник Комара превратился в ледяной столб.

Все ближе. И ближе. И ближе.

Мороз пробежал по затылку. Комар наклонился в полной темноте, нашарил фонарик. Поднял. Рука тряслась, пальцы с трудом нащупали выключатель, сдвинули...

Ослепительный луч вырвался из фонаря и ударил в темноту. Сердце Комара дрогнуло, замерло... Он взгляделся. Но там... там никого не было! Луч фонаря рассеивался вдалеке, тонул во мраке тоннеля... Нет, ничего.

В следующее мгновение он снова услышал шаги.

Луч фонаря лихорадочно заплясал. Где? Кто?! Из темноты вышла, смешно перебирая короткими ножками, маленькая девочка с молочно-белыми волосами. Года четыре ей... или пять.

Девочка прижимала к груди куклу. Страшенькую, лохматую. С пустыми глазницами и оплавленными черными ручками.

Глаза девочки пристально смотрели на Комара.

Твою мать, подумал он. Твою мать, твою мать...

Девочка – или существо, что выглядело как девочка, – медленно растянула губы в улыбке. У Комара по спине пробежал озноб. Желудок сжался.

Улыбка была... неправильная.

– Поиграем? – сказала «девочка».

Комар открыл рот, чтобы закричать, но смог только захрипеть. Ноги отнялись.

Теперь он понял.

Глаза у девочки были багрово-красные. Как кровь.

«Мы для нее банки тушенки», – успел подумать Комар. Мертвая корова пасется на лугу, пам-пам. А потом все исчезло.

Глава 3

Ахмет и бегство из рая

Станция Площадь Восстания, час X

– Спасайте царя! Спасайте!

Ахмет дернулся, словно от удара. Голоса причиняли физическую боль.

Сквозь сон он слышал далекие выстрелы и глухие разрывы гранат.

Снова гроыхнуло. Так, что под ним дрогнула земля. С потолка посыпались пыль и мусор.

– Ахмет, проснись, – сказал Рамиль. – Война.

Ахмет вынырнул из сна, затряс головой. И в первый момент не мог избавиться от ощущения, что телохранитель находится рядом. Чушь! Рамиль не мог быть здесь. Не мог сказать этих слов. Рамиль больше вообще ничего никому не скажет...

Его убил чокнутый фашист на Невском проспекте.

Скрипнула дверь. Появился запыхавшийся, взмокший старик Мустафа, служивший еще отцу Ахмета.

– Господин, вы должны бежать. Война!

Бежать? У Ахмета на мгновение закружилась голова. Снова стать изгнанником, царем без трона, с которым обращаются с брезгливой жалостью?! Он вспомнил, как смотрел на него комендант Невского. Нет, ни за что.

В груди застыла горечь. Словно озерцо черной гнилой воды, излучающей радиацию.

– Поддай оружие, – велел Ахмет.

– Господин!

Царь пружинисто вскочил, набросил на крепкое, ни грамма жира, стройное тело рубашку. Алый шелк неприятно, скользко облегал плечи, охлаждал кожу. Зато такая рубашка сейчас на вес патронов, потому что в шелке – что? Правильно, вши не живут.

– Господин, время!

Ахмет огляделся.

– Где Илюза? – в следующий момент он вспомнил. Предательница!

С того момента, когда Илюза приставила ему к виску его же собственный пистолет, Ахмет не мог жить без нее. Чертова сука. Чертова красивая сука. В этом было что-то извращенное. Она сделала это ради бродяги, оккупанта! Который спас ей жизнь, но все равно... Наглый мерзавец. Ахмет вспомнил, как этот... Иван... стоял в окружении озверевших «бордюрщиков», взгляд надменный, словно это он взял всех в плен, а не наоборот. Но – надо признать, гордый мерзавец. Сильный. Ахмет поморщился. Снова где-то в животе сжалось, задергалось, точно маленький человечек внутри Ахмета поджал колени и обхватил их руками, трясаясь от жалости к себе.

Отец был сильным. Он был настолько ужасающе сильным, что поглощал все вокруг, словно огромное нефтяное пятно, темнота; просачивался во все тоннели и вентиляционные ходы, забирал своим существом всех и вся. И люди понимали, что живут во чреве своего господина. И только по воле его, только потому, что он позволяет им жить. Отец излучал власть, как физическое ощущение.

Когда отец умер, после него остались верные люди, они помогли Ахмету удержать власть. Царство его состояло всего из двух станций, соединенных переходами – но это было теперь его царство. Его, а не отца.

И все сразу стало проще и – сложнее.

Рамиль Кандагариев, личный телохранитель, молчаливый и тоже – сильный. Возможно, только благодаря Рамилю он, Ахмет Второй, смог удержать власть. Потому что старые прия-

тели отца, его царедворцы, визири и казначеи, его телохранители, наложницы, слуги и даже его массажисты – все захотели кусочек того, что раньше было отцовским.

Пришлось действовать быстро.

Кровь. Ахмет застегнул рубашку, чувствуя, как щекочет ноздри резкий металлический запах. Тогда много крови пролилось. Но гораздо меньше, чем пролилось бы, если бы они тогда действовали медленнее – или мягче.

Рамиль нашел его, хнычущего и ждущего неминуемой смерти, в одном из дальних тупиков – которые позже, во время захвата Приморским Альянсом Площади Восстания, послужили им убежищем. Рамиль. Гранитный столб, человек-машина, стальной и негибачаемый. Сильный и – верный. Но... Ахмет поморщился, почувствовал на языке кислое. Рамиль всегда оставался верным не ему, Ахмету Второму, а его отцу. Тени его отца. Его памяти.

Рамиль вручил Ахмету пистолет. Вложил в руку, как какой-то охрнительный волшебный меч. Саблю света, блин. Это оказался не золотой пистолет, который отец всегда носил с собой...

Это был старый потертый «макаров».

– Что это? – удивился Ахмет тогда. Спросил с презрением: – Ничего лучше не нашлось?

Рамиль молча смотрел на него. Высокий, прямой. Жесткий.

– Что? – спросил Ахмет.

– Из этого пистолета убили больше людей, чем ты можешь представить, молодой господин. Это табельное оружие твоего отца. Им он взял и власть, и станцию. И навел порядок.

Ахмет тогда взвесил на ладони «макаров». Холодная металлическая тяжесть. Это не пистолет воина, понял он. Это оружие палача. Оружие деспота, ставящего своих противников на колени и стреляющего им в затылок.

Ахмет повел плечами. Почему-то вдруг повеяло холодом.

– Этим оружием твой отец заставил спуститься в метро всех этих людей.

Некоторых он убил, чтобы заставить остальных быстрее шевелить ногами.

Они выжили только благодаря тому, что отец убил нескольких, чтобы спасти сотни.

Отец, говорят, был плохим милиционером. Ну и что? Но он стал отличным хозяином. Потому что теперь это были не случайные люди, попавшие в поле зрения обычного линейного милиционера. Теперь они стали его стадом. Его овечками. Его долей.

Что-что, но стричь овец и держать их в повиновении отец умел, как никто. А если иногда требуется резать овцу... что ж, это тоже дело пастуха. Его святая обязанность.

– Господин, быстрее! – дрожащий старческий тенор. Проклятый Мустафа. – Там стреляют! Там...

Ахмет накинул на плечи кобуру, застегнул под мышкой. Достал из-под подушки «макаров», оттянул затвор. Патрон в стволе. Отпустил (шелк), убрал пистолет в кобуру. И вдруг его накрыло... Руки задрожали, губы затряслись. От внезапной слабости Ахмет едва не упал, голова закружилась. Он дернул головой. Ухватился рукой за спинку кровати, пережидая знакомый (слишком знакомый) приступ тошноты.

Это всего лишь паника, сказал он себе.

– Господин! Что с вами? – слуга, старый Мустафа, бросился к нему. Ахмет оттолкнул его, выпрямился. Старик посмотрел на молодого хозяина, губы дрожали от обиды.

– Автомат! – приказал Ахмет резко. Мустафа зашаркал к оружейному шкафу.

Опять война, подумал Ахмет. В прошлый раз он взял отцовский «макаров» и под молчаливым руководством Рамиля показал, кто хозяин на Восстании и Маяке. Тогда он лично казнил четверых. Рамиль убил больше, намного больше. А люди Рамиля, верные только ему, убили десятки.

Он, Ахмет Второй, казнил и миловал собственной рукой. Он держал потертый «макар» горящей от пороховых газов ладонью, и ему казалось, что сквозь пальцы струится черная, жир-

ная как нефть, отцовская тень. Накрывает все. И люди снова, как и раньше, живут в непроглядной, словно сгусток мрака, тени Ахмета Первого... и единственного.

Вставай, царь. Ахмет словно наяву услышал голос Рамиля. *Пришло время царских решений.*

Он снова почувствовал кислый привкус железа на языке.

Власть.

Она не дается просто так.

– Царь? – Мустафа с ломким стариковским поклоном подал «калаш». Деревянные приклад и цевье покрывала тончайшая резьба, на металле ствольной коробки неведомый мастер вытравил суру из Корана. Аль-Мульк. «Благославлен Тот, в Чьей Руке власть, Кто способен на всякую вещь». Ахмет взвесил оружие в руках. Наконец-то приличное оружие.

– Царь, вам нужно бежать. Спасаться.

– Это Веган? – Ахмет выпрямился. Шелк рубашки охлаждал шею. По затылку прошла сладкая дрожь предвкушения. Похоже, вот он, момент, когда все меняется. Плохое время... для приморцев.

Пусть все рухнет, но они – они! – ничего не получат.

Ахмет помотал головой. Все еще висит на волоске.

– Зови Рустема, – велел он Мустафе. – И Юру.

БУМММ. С потолка опять посыпалась пыль. Далекие автоматные очереди. Резкие команды. Топот ног. Похоже, приморцы действуют лучше, чем его люди. Недаром они притащили на станцию столько своих солдат. Надменные сукины дети.

Когда телохранители вошли, склонили головы – Ахмет выпрямился.

Рустем и Юра, два верных нукера, два товарища по детским играм. Теперь же – телохранители. Крупный, огромный Рустем и гибкий, жилистый, невысокий – ростом с Ахмета – Юра. Оба в настоящих шелковых рубашках – как их господин.

– Вы знаете, что будет. Вы со мной? – спросил Ахмет.

– Мы умрем за тебя, царь, – Юра всегда соображал быстрее друга.

– Несите саквояж, – приказал Ахмет. – Мы уходим. Сейчас!

– За мной, – велел он телохранителям. – Не отставать.

Коридоры, коридоры. Платформа Восстания тускло освещена редкими фонарями. Люди проснулись. Желтоватые пятна лиц плавали в полутьме вокруг идущего царя. Ахмет стремительно шагал, не оглядываясь. Он слышал тяжелое дыхание телохранителя за спиной. Рустему не мешало бы подтянуть живот, впрочем, ему в любом случае пришлось бы нелегко. Саквояж весит немало. Юра шагал бесшумно.

Знакомая дверь с надписью «КПК-ИП». Пришли.

Ахмет кивнул. Юра, верный нукер, шагнул вперед и аккуратно постучал в дверь служебki. Затем отступил на шаг.

Через некоторое время внутри зашелестели, вздохнули, протопали к двери. Щелчок взводимого курка.

– Кто там? – спросили глухо. Ахмет холодно улыбнулся. Кто-то боится, похоже?

– Это Ахмет.

Через долгую паузу дверь скрипнула, отворилась.

На пороге стоял Герашенко, представитель приморцев. Халат был запахнут в спешке. Глаза красные. В руке пистолет. Посол оглядел компанию, стоящую за спиной Ахмета. При виде оружия брови его на мгновение вздернулись вверх.

– Царь? – посол выпрямился, опустил пистолет. – Почему вы здесь?

Ахмет улыбнулся. Лицо приморца застыло. Губы побелели. В следующее мгновение Ахмет вскинул «макаров» и наставил послу между глаз.

– Я... – начал посол. – Вы не смеете...

Б-бах!

Вспышка. Отдача толкнулась в ладонь. Ахмет моргнул, когда обжигающая кровь брызнула ему в лицо. Перед глазами оплыли черные пятна.

Тело посла повалилось назад. Глухо ударилось об пол. Металлически звякнул выпавший пистолет. Вот и все.

– Здесь я царь, – сообщил Ахмет мертвецу. Ладонь ныла от отдачи. И не только это...

Знакомое ощущение. Черная, густая как нефть, отцовская власть заполняла каморку, изливалась в вентиляционные трубы, ползла по перекрытиям. В каждый крысиный ход проталкивались черные вязкие щупальца отцовской тени. Ахмет стоял, чувствуя, как высыхает на лбу кровь приморца и стягивает кожу. Площадь Восстания, Маяковская – все это накрывало черным пятном.

Ахмет чувствовал себя центром этого пятна. Пауком, вбирающим в себя колебания паутины и жизни сотен мух.

Он повернулся к нукерам. Теперь они становились его личной армией.

В глазах телохранителей Ахмет увидел уважение и страх. И еще – знакомый огонек. Жирный черный отблеск отцовской власти.

Я знаю, как надо.

– За мной, – велел Ахмет. Нукеры, зачарованные жирным блеском власти, последовали за ним без колебаний. Повинуясь сигналу, оттащили тело посла к стене – на полу остался кровавый след. Мустафа закрыл дверь. Теперь, кажется, все. Он выдохнул.

– Тебя будут искать, царь, – напомнил Мустафа. Дыхание его прерывалось, он еле успевал за молодым хозяином. Но старик был прав. Ахмет поднял брови:

– Верно.

Старик кивнул и отступил назад. Поклонился.

Что хорошо в старых слугах – они всегда знают свое место. Ахмет выпрямил спину.

– Мы поступим так, – он поднял отцовский «макаров». Большим пальцем взвел курок.

Щелк.

– Что?.. – Руستم замолчал, когда Ахмет повернулся.

Телохранители попятились. Пока еще сами не понимая, почему. Почувствовали, что происходит что-то неправильное. Люди всегда чувствуют. Ахмет сделал шаг вперед, к нукерам. Поднял пистолет...

– Пусть все решит случай, – сказал он. – Но сначала... сначала я расскажу вам одну историю. А вы слушайте.

– Царь, мы... – начал Юра. Уставился в черное, воняющее порохом дуло ПМ и закрыл рот. Оружие всегда делает слова доходчивее.

Ахмет покачал головой.

– Помолчи, когда я говорю. Помните, мы в детстве играли в мифы Древней Греции? Вы знаете историю одного из подвигов Геракла? Ахмет, мой тезка, был царем плодородной и богатой страны. Но Ахмету, другу великого Геракла, было предсказано, что он умрет молодым – если не найдет добровольца, готового спуститься в подземный мир вместо него. Такой шанс дали царю боги. И что же?.. Ахмет ходил и спрашивал: детей, стариков, взрослых, мужчин, женщин. Все было бесполезно. Все отказывались. Никто не хотел умирать за царя. Даже смертельно больные цеплялись за оставшиеся им последние минуты...

Ахмет замолчал, глядя в лица нукеров. В лица друзей детства. Они слушали. Все-таки, какой недостаток историй в метро! Просто голод.

– Приходит день смерти, и в это время на берег с корабля сходит Геракл, сын Зевса, великий герой. Ахмет с женой встречают старого друга.

Они пируют, а потом... Молодая и красивая жена решила заменить Ахмета в подземном царстве. Пожертвовать собой ради любимого мужа...

Великая жертва.

За ней должен прилететь ангел смерти. И вот-вот это случится. Одна из служанок рассказывает Гераклу, что произошло... и тот решает действовать. Герой сидит в засаде около мертвой жены Ахмета – и ждет. Когда прилетел посланник подземного царства, чтобы забрать душу девушки, Геракл вступил с ним в борьбу. И победил, это же Геракл. Жена Ахмета спасена. Конец истории. Все счастливы. Но... если бы не было жены Ахмета, он бы просто умер – и все. Без жертвы невозможен подвиг. Поэтому я еще раз спрошу: кто готов умереть за своего господина? А? Молчите?!

Если приморцы найдут убитого посла, они захотят отомстить. Если веганцы займут станцию, им тоже буду нужен я. Значит, и те, и другие должны меня *найти*. Скажем, здесь, *мертвым*. Рядом с послом. Понимаете? – Ахмет оглядел телохранителей. – Ангел смерти не улетит с пустыми руками. Поэтому мне нужна жертва. Кто из вас готов? Ну же! – Ахмет посмотрел на телохранителей. Бледные мертвые лица, Юра оскалился. – Не двигаться. Стоять, я сказал! Сейчас мы посчитаемся... чтобы никому не было обидно.

На самом деле выбора не было изначально.

Ахмет внезапно вспомнил. Когда они были мальчишками, то однажды, играя в заброшенном тоннеле, натолкнулись на гнильщиков. Тринадцатилетний Рустем дрался с шестью взрослыми, он тогда уже был здоровым, а маленький Юра протянул будущему царю руку. Улыбнулся, показывая выбитый в драке зуб. Вставай, брат. Мы с тобой вместе. Навсегда-навсегда. Ахмет сжал зубы. Глупые ненужные воспоминания. Кому они интересны? Кому они нужны? Жить надо будущим. Один из них обречен, тут ничего не изменишь...

Потому что сейчас рост и телосложение важнее, чем сила и воспоминания. Важнее, чем происхождение. Важнее всего, даже старой дружбы.

Ахмет взвесил пистолет в ладони. Старый отцовский «макаров» вдруг показался ему огромным и тяжелым, как...

«Благославлен тот, в чьей руке власть».

...как целая станция.

– Осталось выяснить, кто умрет вместо меня? Кто добровольно пойдет в подземный мир? – Ахмет обвел взглядом подданных, покачал головой, криво усмехнулся. – Как понимаю, никто? Нет желающих?

Подданные молчали. Лицо у Рустема было такое, словно великан вот-вот заплачет. Юра выглядел злым и, пожалуй, опасным.

– Хорошо, – сказал царь. Щелкнул отключаемый предохранитель. – В таком случае, ради старой дружбы, я выберу сам.

...*Кто способен на всякую вещь.*

Мустафа неторопливо и осторожно, чтобы побереечь ноющие суставы (артрит!) вышел за дверь. Он в царские избранники не годился, поэтому даже не стал ждать позволения выйти.

В старости есть свои преимущества.

Невидимость, например. Никто не обращает на тебя внимания. Старик и старик, что с него возьмешь.

Мустафа подождал, прислушался. Тишина. Снова зашаркал распухшими усталыми ногами в мягких тапочках, присел у стены. Ноги почти не держали, проклятая старость. Выстрела все не было. Неужели Ахмет дал слабину? Мустафа покачал головой. Плохо, очень плохо. Его отец бы этого не одобрил. Нельзя быть слабым. Нельзя показывать слабость.

Нельзя допускать даже мысль о слабости...

Или – Мустафа поморщился – о милосердии. Потому что люди часто путают «милосердие» и «мягкость». А от мягкости до безволия всего один шаг...

Разве не этому учил наследника старый Ахмет?

– *Вышел месяц из тумана*, – услышал он голос молодого господина за дверью. Детская считалочка. – *Вынул ножик из кармана. Буду резать, буду бить...*

Выстрел. Звук падающего тела.

– *Все равно тебе водить.*

Хороший мальчик, подумал Мустафа. Утомленно прикрыл веки. Сердце стучало неровно, часто, словно надорвалось. Как хочется спать. «Мы вырастили хорошего мальчика, Ахмет, старый друг. Теперь и умирать не жалко».

«Жаль только, что он не твой сын».

Глава 4

Ведьма и жонглер

Станция Сенная, 31 октября 2033 года

Мучительно хотелось есть. Желудок, ссохшийся в крошечный неровный камушек, застыл посреди живота, вывешенный в оглушающей пустоте. Артем уже забыл, когда ел в последний раз. Может, два дня назад. Может, три...

Может, вечность.

«Интересно, что сейчас делает Лали?» Артем с трудом выпрямился, сел на лежаке. «Наверное, готовит рыбную похлебку». От этой мысли кишки сплелись в тугой узел.

Господи. Господи, как больно.

Он прикрыл глаза и как наяву увидел руки сестры – красивые, ловкие – над котелком. И запах варева...

Электрических угрей в Новой Венеции не только использовали как батареи. Их ели. Во всяком виде – жареных, вареных, копченых, сырых. Лали ложкой размешивает мутное густое варево, кусок угря всплывает, поворачивается мясистым боком... Артем сглотнул и проснулся.

Проклятье.

Так можно и сознание потерять. Он снова ощутил горький, с нотками тошноты, привкус во рту. Как хочется спать. Уснуть, чтобы хоть во сне не чувствовать голода... Нет, не выйдет. Уже не помогает. Теперь он хотел есть даже во сне. Ложился, закрывал глаза и видел похлебку, разваренный кусок угря... Видел руки сестры над котелком, крошащие в бульон сухие водоросли. У тех, коричнево-красных, был резкий кисло-жгучий вкус. В Венеции их использовали как приправу. Крупинки, летящие в бурлящее варево...

Надо вставать. Давай!

Артем ошупью выбрался из палатки, выполз на четвереньках. Не выдержал, упал грудью на платформу. Боль. Казалось, ребра скребут по камню. Бетонный пол отдавал пронизывающим тоннельным холодом.

– Встал? – Доходяга, местный знакомец, сосед Артема по гостиничной палатке, сидел на катушке от кабеля. Длинный и тощий, он выглядел умирающим от голода, однако был совершенно здоров – и, насколько Артем знал, – вполне себе сыт.

Артем, преодолевая слабость, подтянул под себя ноги, сел. Махнул рукой – привет!

– Эй, Птаха! На представление пойдешь? – Доходяга поскреб подбородок. – Хотя где тебе. Там мани стоит. А тебе даже менять нечего.

Птаха. Артем уже много раз пожалел, что назвался на станции «Орлом». Орел – Арц'иви по-грузински. Красиво. Только вот местные перекрестили его в Птаху. Стоп. Что Доходяга сказал?

Артем повернул голову. «Самое важное», неровно билось сердце.

– Представление? Какое? Где?

– Да здесь, недалеко. Ты чего, с луны свалился? Цирк же приехал!

Артем пошатнулся.

– Что-о?! Где?!

– Успокойся ты, крезанутый. Всего лишь цирк. Понял? Там, на служебке.

Служебкой местные называли служебную платформу, что находилась дальше по тоннелю в сторону Пушкинской.

Доходяга почесал в затылке, потом решил. Покопался в сумке, нехотя протянул руку:

– На, держи, пока я добрый. Смотреть на тебя страшно. Скелет, блин.

Артем сразу же отвел глаза. Но взгляд снова, как притянутый магнитом, возвращался к ладони Доходяги. К сушеному грибу, лежащему на той ладони. К аппетитному, ноздреватому,

вкусному куску гриба. Рот наполнился слюной. Желудок сжался так, что, казалось, он сейчас стремительно схлопнется в одну точку, как Вселенная из рассказов учителя.

Голова закружилась.

Нет. Нельзя. Нет. Артем стиснул зубы и помотал головой. Выпрямился, в живот отдалось болью. Затем, чтобы оборвать мучительный момент, сказал:

– Н-нет, спасибо.

Доходяга удивился.

– Нет?

– Спасибо, я... – Артем сглотнул. – Не хочу. Правда.

– Не врешь?

Артем покачал головой. Не вру. Хотелось вскочить на ноги, схватить Доходягу за грудки и заорать прямо в вытянутое, желтое от курения травки лицо:

«Блин, я сытый! Сытый, блин! Убери на хер эту фигню!!»

Видимо, Артем изменился в лице. Потому что Доходяга вдруг отпрянул, словно увидел Черного Санитара. Но зато убрал проклятую руку. И на том спасибо.

– Гордый он, да. Ну и иди ты на хер, гордый. Гордый он. – Доходяга, похоже, всерьез обиделся. – Я ему... блин... а он... тварь такая...

Артем заставил себя сесть прямо.

– Извини, друг. Так что ты там... говорил о цирке?

Доходяга отвернулся, задрал нос. «Во глубине сибирских руд храните гордое молчанье», вспомнил Артем. Пушкин, кажется. Или Лермонтов.

Он с усилием разлепил губы:

– Я же сказал: извини. Извини, друг. Я очень... на самом деле. Просто... я не могу. Нельзя мне.

Доходяга мгновенно повернулся:

– Нельзя?

– Обет такой.

– Обе-ед? – протянул Доходяга мечтательно. – Обед – это хорошо.

– Да не, ты не понял. Обещание. Клятва.

Лицо Доходяги осветилось пониманием. Затем он усмехнулся. Глаза у него стали нехорошие, мутные. Артем поежился. Он до сих пор не привык к резким переменам, что случались с людьми при упоминании слов «клятва, обет». Как и «честь, совесть, долг». Видимо, это были какие-то неправильные, несъедобные слова.

– Я бы на твоём месте махнул такой «обет» на нормальный обед, – заговорил Доходяга с какой-то холодной жестокой мстительностью. Словно то, что у Артема было что-то выше желания пожать, задевало его, Доходягу, лично. Словно это «нечто» делало его меньше, унижало.

– Клятва, значит? И что за клятва? Сдохнуть из гордости?!

Артем вздохнул. «Как с вами сложно, странные люди».

– Ты не понимаешь. Это... другое.

Доходяга отвернулся, словно Артема больше здесь не было. Тот вздохнул. Бесполезно. А ведь Доходяга еще из лучших. Вон, грибом хотел поделиться...

Артем покачал головой, выбросил Доходягу из головы. Прежде чем идти в цирк, стоило сделать еще одно дело.

Тренировка. Обязательная, как движение небесных тел. За все голодные дни и недели, с момента, как он покинул родную Венецию, Артем ни разу не пропустил тренировку.

Он кивнул Доходяге и отправился к палатке. Главное, чтобы мячики были на месте, когда он пойдет в цирк. Старые, засаленные, с надписью tennis. Два желтых и один зеленый.

Иногда приходится придумывать повод собой гордиться. Он бы и гордился... если бы смог наконец собраться с мыслями и думать не только о еде.

«Ты бы гордился мной, папа?» – спросил он в тоннельную пустоту.

Ответа не было.

Как всегда.

Артем залез обратно в палатку. Лег на тонкий матрас, отдающий вонью немытого тела и застарелой мочой. Холод бетона сквозь тонкую прослойку синтепона пронизывал тело.

Артем нащупал пальцами прореху в матрасе, засунул руку. Где же?

В первый момент его пронзило холодом, что драгоценную заначку могли украсть. Тот же Доходяга. Как украли все его вещи в первый же день на чужой станции. Это было всего полтора месяца назад, а казалось, прошла вечность... Испуг был таким сильным, что сердце замерло. На пару мгновений. А потом застучало резко и быстро, по нарастающей.

Все пропало, подумал Артем. Столько ждать, искать... чтобы так бездарно, в последний момент...

И вдруг его пальцы наткнулись на холодный цилиндрок патрона. Артем выдохнул. Есть! Один-единственный. Девять миллиметров, от «макарова». Артем сжал его пальцами – до боли. Облегчение было таким сильным, что парень почувствовал себя полностью вымотанным.

Один патрон. Сколько это еды?

Намного больше, чем у него было в последнюю неделю. Он сейчас превратился в тень прежнего Артема.

«Оно того стоит?» – спросил он сам себя. И ответил: да, несомненно.

Как она на него посмотрит? Что увидит? Неужели опять смущенного, красного, взъерошенного, смешного мальчишку? Как в тот раз, в палатке.

Холод патрона в ладони.

...Он попросил тогда погадать ему – на будущее. Разноцветная палатка, украшенная аляповатыми магическими символами. Он откинул полог, шагнул, пригнувшись, в полутьму. Гадалка сидела в глубине, на цветном коврик. Рядом, в железной плошке, тускло горел масляный светильник.

Глаза женщины в полутьме поблескивали.

– Подойди, – сказала она. – Смелее.

Артем неловко подошел, чувствуя, как отказывают ноги, сел перед ней. Гадалка смотрела, не мигая. Темные глаза, смуглая кожа. Половина лица словно растворялась в темноте. Артем вдруг вспомнил и, торопясь, вытащил жирного угря, завернутого в кусок полиэтилена. Плата за предсказание. Плата за будущее. Неуклюже бухнул на огромное, порыжевшее от времени, серебряное блюдо.

Щедрая плата.

Пауза.

– Меня зовут Лахезис, – сказала гадалка.

Она подняла взгляд. Лицо ведьмы оказалось на свету. Лицо было наполовину изуродовано...

В тот же миг Артем, сын Георгия, понял, что пропал. Окончательно и бесповоротно.

Провалился в бездонный взгляд изуродованной гадалки – и с тех пор падает, падает, падает...

– Спишь? – его толкнули в плечо. Артем вскинулся:

– А? Что?!

Доходяга неловко повел головой, словно ему жали плечи. Пока Артем блуждал мыслями где-то далеко, он следом забрался в палатку и сидел теперь на своем лежаке – темный сторбленный силуэт с острыми коленями.

– Ну, ты идешь, нет? – спросил Доходяга нарочито грубовато. – В цирк свой?

Артем вспомнил. Мгновенно проснулся:

– Иду.

Платформа под ногами качнулась, словно была из мягкой резины. Артему казалось, что ноги проваливаются в камень. Легкое головокружение. Чтобы не упасть, ему пришлось упереться рукой в стену. От рези в животе Артема согнуло. Не выпрямиться. Он прислонился головой к холодному камню, пережидая приступ. Стало немного легче.

Доходяга смотрел на Артема с жалостью.

– Эх ты, Мимино, – сказал он.

Отлично, подумал Артем с легкой горечью. Теперь я уже Мимино – «ястреб-перепелятник», самый мелкий и жалкий из хищных птиц.

Ну, хоть какой-то прогресс после «Птахи». Только не вперед, а куда-то... в сторону.

Усилием воли он выпрямился, оторвался от стены.

– Ладно, пошли, – сказал. – А то опоздаем.

Они почти успели.

Служебная платформа была освещена фонарями, расставленными по окружности огромного ковра. Артем вспомнил, ему говорили. Такой ковер – главное сокровище цирка, священная вещь, без которой цирка не существует. Ковер был грязно-зеленого цвета, местами с заплатками. Над платформой циркачи натянули канат. Еще несколько фонарей были закреплены под сводом станции на веревках, так, что тусклый свет падал на ковер, оставляя зрительскую часть в темноте. Зрители сидели прямо на полу.

Представление уже началось, парад-алле они пропустили. Жаль. Артем с Доходягой отдали плату за вход лысоватому мужику с лицом клоуна, протолкались поближе к ковра. На них шикали и ругались. Доходяга на ходу моментально и метко огрызнулся. Артем сел и выпрямил спину. Помни. Ты – гордый, сильный, резкий. Ты – наполовину грузин, наполовину русский.

Угу. Худой, с выступающими скулами, с мрачно горящими голодными глазами. Угрюмый и злой. Весь в синяках и царапинах, в лохмотьях. На ладонях кровавые следы от постоянного сжимания кулаков.

Я... – напомнил он себе.

(витязь в тигровой шкуре, рыцарь в шкуре леопарда)

...жонглер.

Зазвучала музыка. Представление началось.

Он сидел среди зрителей и ждал ее. Ему было все равно, кто и как выступает, какие номера или фокусы показывает. Он ждал ее. Гадалка, изуродованная предсказательница. Ведьма. Артем задохнулся на миг. Он бы любил ее, будь она все еще красавицей... но настоящему он любит ее такой, как сейчас – изуродованной, наполовину нечеловеческой. Темной и опасной, вспыльчивой и сварливой...

Прекрасной.

Зрители зааплодировали, заулюлюкали. «Браво! Браво!» Артем поднял голову и наконец-то увидел, что происходит на арене.

Левое предплечье силача было обмотано бинтами почти до локтя. Артем тоже иногда так делал, чтобы не повредить запястья, когда тянешь из воды тяжелые клетки с бьющимися угрями. Он вдруг ясно представил мертвенный запах угрей, холодный и влажный, смешанный с назойливым душком озона и горелой изоляции.

Новая Венеция, дом. Электрические угри. Голубые вспышки. Искры, пробегающие между пальцами. Холодное утро Новой Венеции. Над водой стелется туман – вентиляционные установки опять нагнали теплый воздух с поверхности, дальше двух метров уже ничего не видно. Огни в тумане кажутся размытыми. Нос лодки бесшумно рассекает воду. Из тумана медленно, как во сне, выплывают плоты, сделанные из пластиковых бутылок и досок. На плотках высятся крошечные домики, сколоченные из хлама и кусков пленки, они кажутся игрушеч-

ными. Артем так ясно представил это, что почти услышал неумолчный тихий плеск воды под досками настилов и легкий скрип дерева.

Он помотал головой. Вернулся гул цирка, дыхание и возгласы сидящих вокруг людей. Вернулась тяжелая горячая атмосфера восторга и любопытства.

Аплодисменты. Гулкие хлопки...

Артем посмотрел на арену и присвистнул. Даже погруженный в лихорадочное ожидание, он не мог не оценить: силач вынес на плечах настоящее древнее деревянное пианино! Силач размеренно ступал, лицо сосредоточенное, а на пианино, изогнувшись самым соблазнительным образом, возлежала полуобнаженная юная блондинка. Светлые волосы ее (вымытые! Артем даже отсюда чувствовал, как они пахнут сухой чистотой и цветочным мылом) струились по пианино.

В толпе восхищенно присвистнули, но, как оказалось, совсем по другому поводу:

– Смотрите, карлики!

Только тогда Артем оторвал взгляд от изгибов девушки и заметил, что на пианино она не одна. На верхней крышке, по разным краям устроились лилипут и лилипуточка. Лилипут был в белом смешном пиджаке с бабочкой. Артем однажды видел такой костюм на обложке древнего журнала, только там вместо лилипута был суровый белобрысый мужик с лицом как рельса и с голубыми глазами убийцы. В руке у мужика был незнакомый автомат с оптическим прицелом. Надпись под фото гласила: «Бонд. Джеймс Бонд». Круглое детское личико лилипута украшали морщинки, отчего этот мини-Бонд казался постаревшим ребенком – но с такими же глазами убийцы, как на фото.

Артем поморгал. Да нет, ерунда. В следующее мгновение лилипут улыбнулся, и ощущение исчезло. Он был очарователен. Хотя явное уродство... Артем поморщился. В Новой Венеции мутантов не особо жаловали. Заглядывал к ним однажды на станцию великан с зеленой кожей... Шуму-то было! Чуть стрелять не начали.

Напротив, лилипуточка выглядела не ребенком, а суровой взрослой женщиной – только маленькой. Она была в детском розовом платьице с блестками и лихо курила толстую самокрутку. Дым клубами плыл над ее головой и над пианино.

Похоже, этот номер был одним из гвоздей программы. Зрители кричали и аплодировали.

Силач дошел до центра ковра и выпрямился. Пианино он по-прежнему держал на плечах. Зазвучала музыка.

– Ап! – сказала блондинка. Она изящным движением встала на ноги и выгнулась так, что белое платье обрисовало гибкую фигурку.

Зрители сходили с ума. Артем решил, что скоро оглохнет.

Кто-то бросил на арену патроны, они сверкнули в лучах фонарей и со звоном рассыпались у ног силача. Тот учтиво поклонился вместе с пианино. Вслед за этим полетели еще патроны, ручной фонарик и даже батарейки. Блондинка благодарила дарителей воздушными поцелуями. Зрители кричали и неистовствовали...

«Нравится? – подумал Артем. – А что вы скажете, когда выйдет Она?»

Душно. Холодный пот выступил на лбу, Артем вытер его дрожащей рукой. Тошнота снова подступила к горлу, горечь тлела на языке.словно от громкой музыки, света, смеха, ярких костюмов, радостных выкриков и всей цирковой атмосферы Артему становилось хуже. Дурацкая слабость, не вовремя...

Держаться.

Осталось немного. Скоро выйдет она.

Она не появилась. На номере с пианино закончился первый акт, медленно, как угорь, вытянутый за хвост из воды, протянулся антракт... Начало второго акта. Артем равнодушно, как в сонном бреду, пропустил и зверей, и укротителя с желтой ленивой змеей. Змея называлась питоном. Питон, лежащий на плечах укротителя, медленно изгибался, стягивал кольца и

поднимал плоскую желтую голову с равнодушными, холодными глазами. В какой-то момент Доходяга, подсакивая в избытке чувств, заехал Артему локтем по ребрам – тот дернулся, на мгновение вырвался из мучительной жаркой дремы... и увидел, что у питона на самом деле две головы...

Артем вздрогнул.

Ее все не было. Вот и финал. Отзвучали последние хриплые аккорды циркового гимна. После представления Артем некоторое время сидел, не в силах поверить. Катастрофа. Зрители расходились, шумно обсуждая увиденное, лица их были живые и азартные, но Артем не замечал ничего. Его толкали и задевали, он равнодушно сидел.

Ее не было.

Что происходит?

Кто-то тронул его за плечо. Потом усиленно затряс. Артем поднял взгляд... Доходяга! Вернулся.

– Не пойдешь? – спросил Доходяга.

Артем покачал головой.

– У меня здесь дело.

– Еще один обет? Ну, ты крейзи, – сказал Доходяга. – Зачем тебе цирк? Циркачи, они знаешь, какие резкие? Один тут со станции пробовал подкатить к их беленькой... грубовато, правда. Так потом его в дальнем тупике нашли...

– Мертвого? – спросил Артем машинально. На самом деле его это совершенно не интересовало.

– Хуже! Живого. Только ему руки с ногами местами кто-то поменял.

– Угу.

Артем помолчал. Потом протянул руку:

– Спасибо тебе. За все.

Доходяга растерянно покачал головой.

– Ну, ты крейзи. Честное слово, таких крейзи, как ты, я еще не видел... Ладно, бывай...

Орел.

Доходяга пожал Артему руку и ушел. Все так же качая головой, словно не мог понять, откуда берутся такие чокнутые. Все ушли. Артем помедлил, мягко вскочил на ноги. Несмотря на холодный пот, дрожь, как в лихорадке, он все еще мог двигаться и действовать быстро. Артем молниеносно, пока его не заметили, перебежал через неосвещенное пространство на другую сторону ковра. Здесь, недалеко от арены, светились несколько палаток. Здесь жили циркачи. Если Лахезис жива, ее надо искать в этих палатках.

Артем прошел между палатками. Только голова кружилась и сердце больно билось в грудную клетку... Проклятая слабость, одышка.

Сколько он не ел? Долго.

Сейчас бы пригодился тот Доходягин гриб... Артем выдохнул. Еще немного, и он грохнется в голодный обморок. Он усилием воли заставил себя выпрямиться. И вовремя. Между палаток появился помятый и седой, в некоем подобии красного мундира, служитель цирка. Он принес метлу и начал сметать мусор, кряхтя и поминая чью-то (возможно цирковую) мать.

Артем, незамеченный, смотрел, как прутья метлы касаются мраморного пола, сгибаются... Служитель мел. Старательно, но довольно бестолково. Затем он, видимо, притомился. Сел на сваленные горой баулы и достал из-за пазухи маленькую стеклянную бутылку. Артем подождал, пока служитель выпьет. По опыту он знал, что алкоголь делает некоторых людей добрее. Некоторых – наоборот, но тут уж не угадаешь...

Когда бутылочка исчезла за пазухой, Артем вышел на свет.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Ты чего хотел, парень? – служитель не удивился. Артем заподозрил, что тот выпил уже не в первый раз и теперь совсем-совсем добрый.

– Где она? Гадалка?

– А тебе зачем? – служитель оперся на метлу и нахмурил брови.

Артем вздохнул. Потом объяснил, что сам издалека и пришел специально на представление – ради ее номера. Номера, который он когда-то видел и был поражен... Артем рассказывал и, в общем-то, ничего не придумывал. Он до сих пор был под впечатлением. Хотя номер тут, в сущности, ни при чем.

Причина была в ней. И только в ней.

– А ты не врешь, парень?

– Нет.

– А! – сказал служитель. И Артем понял, что он поверил. – Здесь твоя гадалка. Приболела она, парень.

– Ч-что? – он покрылся холодной испариной. Неужели? Что с ней?!

Наверное, он изменился в лице. Служитель замахал рукой:

– Не-не! Все будет в порядке, Эзра сказал. Только ты никому, ладно? Торгаши больных не любят, сразу заберут. Карантин, все дела... Она в палатке отлеживается. Лерка цирковая. А мы своих не сдаем... – служитель спохватился, что только что это сделал. – Э... я тебе ничего не говорил! Понял, паря?

– Где она?

Служитель почесал затылок. Подумал и сказал:

– Я тебе про палатку со змеями тоже не говорил? Так вот, если спросят, Лерки там нет и никогда не было. Понял, парень?

Артем кивнул. Он понял.

– Я могу... к ней?

– Только... – служитель вдруг протрезвел, остро взглянул Артему в глаза: – Ты смотри, аккуратней, питону не попадись. А то нам обоим достанется на орехи. Если вдруг попадешься, ты меня не видел, я тебя не видел. Ферштейн?

Питону? Артем покрутил головой, не понимая. А! Это та ленивая желтая змея! Двухголовая, вспомнил он. Легкий холодок пробежал по спине. Ерунда. Она же должна быть в клетке? Или в этом... как его? Аквариуме?

Артем пожал плечами и согласился.

Это была самая большая палатка. В палатке с черными силуэтами изогнутых змей на ткани – нарисованных грубо, но с какой-то странной мощью – горел слабый свет.

Артем мгновение помедлил. Сжал кулаки.

Потом откашлялся и шагнул внутрь.

– Кто там? – спросил женский голос. Ее голос.

Артем жадно взгляделся. Она полулежала на подушках, в тени. Страшно худая. Красивая – но какой-то уже страшной обреченной красотой. В руке у нее была зажата сигарета с длинным мундштуком.

– Это... это я, – сказал Артем.

– Кто я?

Сердце билось так громко, что он боялся не расслышать. Голова кружилась.

– Это... – он прокашлялся. – Мы с вами... Помните? Венеция, восемь месяцев назад...

Вы мне еще нагадали... помните?

– Ты пришел ради меня? – она совсем не удивилась.

Он с вызовом посмотрел на Лахезис. «Да, ради тебя».

– Возьмите меня с собой, – сказал он твердо.

Лахезис выпустила дым и медленно подняла голову. Усмехнулась – совсем устало. Изуродованное лицо казалось постаревшим, истонченным.

– Зачем?

– Вы же можете видеть будущее? – он помедлил. – Тогда... почему спрашиваете?

Лицо ее изменилось. Дрогнуло.

Шелест ткани за спиной. Негромкое:

– Та-ак.

Артем обернулся. За его спиной, откинув полог, стоял силач – тот самый, с пианино. Вблизи он оказался не таким высоким. Ростом лишь чуть выше Артема – но мощный, налитый силой, и потому выглядел настоящим великаном. Был он по-прежнему в синем костюме для выступления, только накинул на шею полотенце. На мгновение Артему вспомнилась желтая двухголовая змея и ее холодное касание...

Силач перевел взгляд на гадалку, поднял брови. Мол, что происходит?

Вот и все, подумал Артем. Сейчас она скажет «не знаю, кто это» и меня выкинут отсюда.

Лахезис сказала:

– Возьмем мальчика с нами.

«Мальчика?» Кровь бросилась Артему в лицо. Он для нее – всего лишь мальчик?! Он сам не заметил, как оказался на ногах.

Невыносимо захотелось выбежать отсюда. И уйти подальше, на другой конец метро. Выйти на поверхность, в мертвый заброшенный Петербург и задохнуться там от радиоактивного воздуха... Завербоваться к диггерам и рвануть в обреченный поход к Москве. Чтобы они все... Чтобы она... Тогда она пожалеет!

«Мальчик?!» Артем постарался взять себя в руки. Что ты как мальчишка, на самом деле. Но обида осталась...

Силач поднял взгляд. Глаза у него оказались маленькие, глубоко утопленные в мощный череп. Светлые и тусклые, как глаза сторожевой собаки. Артем поежился.

Силач почесал забинтованное предплечье.

– Зачем? – по лицу великана можно было подумать, что Артем ему смертельно надоел.

– Игорь, ну что за вопросы? Каприз у меня такой. Могу я немного покапризничать, а?

Великан тяжело вздохнул.

– А что он умеет? – Артем сообразил, что великан, названный Игорем, не стал мягче. Просто постарался смягчиться – ради нее.

Лахезис усмехнулась, бордовые губы изогнулись. Страшноватая полуулыбка.

– Спроси у него сам.

Игорь повернул голову, покатал желваки.

– Ну? – спросил он наконец.

«Это мой шанс!» Вместо ответа Артем сунул ладонь за пазуху и вытащил мячики. Глаза силача на мгновение расширились, Лахезис улыбнулась. Артем начал жонглировать. Подкидывал, ловил, снова подкидывал. Он чувствовал, как дрожит у него щека в нервном тике. Но продолжал работать.

Великан смотрел внимательно. Но глаза – Артем сглотнул – глаза были равнодушные. Это выбило его из спокойствия духа, из того состояния отрешенности, что необходимо жонглеру. Артем растерялся. И вдруг едва не уронил один из мячиков. Черт!

Ругнулся про себя. И черт побери – следующий мячик выскочил из руки и укатился под ноги силачу. Игорь даже бровью не повел, продолжая смотреть на Артема своим холодным, тусклым взглядом...

Не собака, подумал Артем. Змея. Большая ленивая змея.

Артем остановился.

– Все? – спросил великан. И Артем понял, что свой шанс он только что проморгал.

– Я... я... Все.

Силач уже не смотрел на него. Лахезис поникла, словно он, Артем, как-то ее подвел.

– Игорь, – сказала она и замолчала. Силач кивнул. Словно они вели разговор, понятный только им двоим.

Это был провал.

Артем вышел из палатки, не чувствуя под собой ног. Остановился перевести дыхание, оперся ладонью о стену... с удивлением отдернул руку.

Перед входом в палатку стояло пианино. Древнее, поцарапанное, с облупившимся на краях лаком. Настоящее, из красного дерева, с латунными педалями. То самое пианино, что силач выносил на плечах во время представления. Крышка была откинута. Артем видел черно-белую улыбку старого инструмента.

Что это меняет? Ничего.

Артем подошел к пианино. «Фоно», называла это мама. Положил руки на клавиши. Медленно, вспоминая, каково это, погладил теплые, словно из слоновой кости (как рассказывается в старых книгах), клавиши... Потом осторожно нажал.

«ДООО», вывело пианино, просыпаясь. Пауза. Артем, не поворачиваясь, вдруг понял, что силач и Лахезис стоят за его спиной. «Ну и пусть! К черту!»

Запинаясь, он сыграл начало «К Элизе». Только одну мелодию, без басовой партии.

Иногда забывал ноту и искал на ощупь. Словно путь в темноте заброшенного тоннеля. Где-то там должны быть люди, нужно только найти к ним дорогу. Артем находил и двигался дальше. Инструмент был расстроен, но не так сильно, как можно было ожидать...

Дойдя до финала, Артем остановился. Он слышал негромкие голоса – циркачи собрались со всех сторон лагеря. Спиной он чувствовал их взгляды – удивленные и озадаченные. Потом мысленно плюнул, вернулся к началу сонаты и начал играть «К Элизе» уже по всем правилам – в две руки.

...И звуки поплыли над головами, вкрадчивые, как смерть...

Это была странная, хромая, неровная, со сбитым ритмом «Элиза». Но это была его лучшая «Элиза». Прекрасная, как умирающий рассвет обреченного мира. Артем играл. Финальная нота отзвучала под сводом заброшенной платформы, в тесном, сыром и душном метро. В последнем убежище загнанного в угол человечества... В аду.

Наступила тишина.

Потом раздались аплодисменты.

Артем помедлил и повернулся.

Они смотрели на него. Все. Циркачи маленькие, и циркачи большие, красивые и не очень, нелепые и совершенно нелепые. Лицо Лахезис было странным. Словно мучительное воспоминание исказило черты гадалки. Лахезис медленно кивнула Артему и прикрыла глаза: и живой, и мертвый. Затем повернулась и ушла, хромая, обратно в палатку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.